

**ТЕКСТЫ
ЕГЭ 2017
ПО РУССКОМУ
ЯЗЫКУ
(ДЛЯ СОЧИНЕНИЙ)**

Евгений Носов, о малой родине

(1)Что такое малая родина? (3)Где ее границы? (4)Откуда и докуда она простирается?

(5)По-моему, малая родина — это окоём нашего детства.(6) Иными словами, то, что способно объять мальчишеское око. (7)И что жаждет вместить в себя чистая, распахнутая душа. (8)Где эта душа впервые удивилась, обрадовалась и возликовала от нахлынувшего восторга.(9) И где впервые огорчилась, разгневалась или пережила свое первое потрясение.

(10)Тихая деревенская улица, пахнувший пряниками и кожаной обувью тесный магазинчик, машинный двор за околицей, куда заманчиво пробраться, тайком посидеть в кабине еще не остывшего трактора, потрогать рычаги и кнопки, блаженно повздыхать запах наработавшегося мотора; туманное таинство сбегаящего под гору колхозного сада, в сумерках которого предостерегающе постукивает деревянная колотушка, гремит тяжелой цепью рыжий репыстый пес. (11)За садом — змеистые зигзаги старых, почти изгладившихся траншей, поросших терновником и лещиной, которые, однако, и поныне заставляют примолкнуть, говорить вполголоса... (12)И вдруг, снова воротясь к прежнему, шумно, наперегонки умчаться в зовущий простор луга с блестками озерков и полузаросших стариц, где, раздевшись донага и взбаламутив воду, майкой начерпать в этом черном киселе чумазных карасей пополам с пиявками и плавунцами. (13)И вот наконец речушка, петлявая, увертливая, не терпящая открытых мест и норвящая улизнуть в лозняки, в корявую и петлючую неразбериху.(14) И если не жалеть рубах и штанов, то можно продраться к старой мельнице с давно разбитой плотиной и обвалившейся кровлей, где сквозь обветшалые мостки и в пустые проемы буйно бьет вольный кипрей. (15)Здесь тоже не принято говорить громко: ходит молва, будто и теперь еще в омуте обретается мельничный водяной, ветхий, обомшелый, и будто бы кто-то слышал, как он кряхтел и отдувался в кустах, тужась столкнуть в омут теперь уже никому не нужный жернов. (16)Как же не пробраться туда и не посмотреть, страшась и озираясь, лежит ли тот камень или уже нет его...(17) За рекой — соседняя деревня, и забредать за реку не полагается: это уже иной, запредельный мир.(18) Там обитают свои вихрастые окоемщики, на глаза которых поодиночке лучше не попадаться... (19)Вот, собственно, и вся мальчишеская вселенная.

(20) Но и того невеликого обиталища хватает с лихвой, чтобы за день, пока не падет солнце, набегаться, наоткрывать и навпечатляться до того предела, когда уже за ужином безвольно начнет клониться опаленная солнцем и вытрепанная ветром буйная молодецкая головушка, и мать подхватывает и несет исцарапанное, пахнущее рогозом и подмаренником, отрешенное, обмякшее чадо к постели, как с поля боя уносит павшего сестра милосердия. (21) И видится ему сон, будто взбирается он на самое высокое дерево, с обмирающим сердцем добирается до вершинных ветвей, опасно и жутко раскачиваемых ветром, чтобы посмотреть: а что же там дальше, где он еще не бывал? (22) И вдруг что-то ломко хрустит, и он с остановившимся дыханием кубарем рушится вниз. (23) Но, как бывает только во снах, в самый последний момент как-то так удачно расставляет руки, подобно крыльям, ветер упруго подхватывает его, и вот уже летит, летит, плавно и завораживающе набирая высоту и замирая от неопишуемого восторга. (24) Малая родина — это то, что на всю жизнь одаривает нас крыльями вдохновения.

(Евгений Иванович Носов)

Примерная проблематика:

Что такое малая родина? (это место, где прошло детство)

Каково влияние малой родины на человека? («Малая родина — это то, что на всю жизнь одаривает нас крыльями вдохновения»)

Из каких моментов складываются детские впечатления? (это целый спектр переживаний, эмоций, открытий)

Задания:

В предложениях 19- 20 найти и выписать фразеологизм.

Быков, о надежде

Крутой берег реки, рассказ, по которому предлагался текст

Обычно он появлялся тут на закате солнца, когда спадала дневная жара и от реки по ее овражистым, поросшим мелколесьем берегам начинало густо тянуть прохладой. Петрович выходил к реке из травянистого лесного овражка со стороны недалекой приречной деревушки и одиноко усаживался на краю каменистого, подступавшего к самой воде обрыва/ Некоторое время спустя из-за бетонных опор моста, плавно обходя пережат, выскакивала резвая голубая «казанка». В «казанке» сидели двое — Юра Бартош, парень из соседней деревни, работавший в городе и наезжавший в

знакомые места на рыбалку, и его городской друг Коломиец — Как с сушнячком сегодня, Петрович?

Старик не сразу оторвал от противоположного берега свои блеклые, слезящиеся глаза

— Мало хвороста. Подобрали... Вот вязаночку маленькую принес...

— Да, маловато.

— Я так думаю, с вечера жечь не надо, — медленно, с усилием взбираясь за ним на обрыв, тихо заговорил старик. — Под утро лучше. С вечера люди всюду, помогут... А как под утро поспнут, кто поможет?

— Оно можно и под утро, — согласился Юра. — Но в ночь бы надежнее. Может, я тоже подскочу, пошарю чего в овраге?

— В ночь бы, конечно, лучше... А то как признают? Раньше вон хутор был. А теперь нет. И этот мост новый... Незнакомый.

— Вот именно.

Юра торопливо полез по камням вверх к зарослям ольшаника в широком овраге.

— Ты вот что, дед! — резким голосом сказал он под обрывом. — Брось юродствовать! Комедию играть! Никто к тебе оттуда не придет. Понял?

Петрович на обрыве легонько вздрогнул, будто от холода, пальцы его замерли на груди, и вся его худая, костлявая фигура под кителем съежилась, сжалась. Но взгляд его по-прежнему был устремлен к заречному берегу, на этом, казалось, он не замечал ничего и вроде бы даже и не слышал неласковых слов Коломийца. Коломиец тем временем с привычной сноровкой забросил в воду еще две или три донки, укрепил в камнях короткие, с малюсенькими звоночками удильца.

— Они все тебя, дурня, за нос водят, поддакивают. А ты и веришь. Придут! Кто придет, когда уже война вон когда кончилась! Подумай своей башкой.

— Так это младший, Толик... На глаза заболел. Как стемнеет, ничего не видит. Старший, тот видел хорошо. А если со старшим что?..

— Что со старшим, то же и с младшим, — грубо оборвал его Коломиец. — Война, она ни с кем не считалась. Тем более в блокаду.

— Ну! — просто согласился старик. — Аккурат блокада была. Толик с глазами неделю только дома и пробыл, аж прибегает Алесь, говорит: обложили со всех сторон, а сил мало. Ну и пошли.

Младшему шестнадцать лет было. Остаться просил — ни в какую. Как немцы уйдут, сказали костерок разложить...

— От голова! — удивился Коломиец и даже привстал от своих донок.

— Сказали — разложить!.. Когда это было?!

— Да на Петровку. Аккурат на Петровку, да...

— На Петровку! А сколько тому лет прошло, ты соображаешь?

— Лет?

Старик, похоже, крайне удивился и, кажется, впервые за вечер оторвал свой страдальческий взгляд от едва брезжившей в сутеме лесной линии берега.

- Да, лет? Ведь двадцать пять лет прошло, голова еловая!

Гримаса глубокой внутренней боли исказила старческое лицо Петровича.

Губы его совсем по-младенчески обиженно задрожали, глаза быстро-быстро заморгали, и взгляд разом потух. Видно, только теперь до его помраченного сознания стал медленно доходить весь страшный смысл его многолетнего заблуждения.

- Так это... Так это как же?..

Внутренне весь напрягшись в каком-то усилии, он, наверно, хотел и не мог выразить какую-то оправдательную для себя мысль, и от этого непосильного напряжения взгляд его сделался неподвижным, обесмыслел и сошел с того берега. Старик на глазах сник, помрачнел еще больше, ушел

весь в себя. Наверно, внутри у него было что-то такое, что надолго сковало его неподвижностью и немотой.

Петрович на обрыве трудно поднялся, пошатнулся и, сторбившись, молча побрел куда-то прочь от этого берега.

Наверно, в темноте старик где-то разошел ногам трескучую охапку валежника - большую охапку рядом с маленькой вязанкой Петровича.

- А где дед?

- Петрович? А кто его... Пошел, наверно. Я сказал ему...

- Как? - остолбенел на обрыве Юра.

- Что ты сказал?

- Все сказал. А то водят полоумного за нос. Поддакивают...

- Что ты наделал? Ты же его убил!

- Так уж и убил! Жив будет!

Такая правда его доконает. Ведь они погибли оба в блокаду. А перед тем он их сам вон туда на лодке отвозил. И ждет.

- Чего уж ждать?

- Что ж, лучше ничего не ждать? Здоровому и то порою невмочь, а ему?

Эх, ты! близко и далеко зажигались рыбацьи костры. Среди них в этот вечер не загорелся только один - на обрыве у лесного перевоза, где до утра было необычно пустынно и глухо. Не загорелся он и в следующую ночь. И, наверное, не загорится уже никогда...

Примерная проблематика:

Каково значение надежды для жизни человека? (Без надежды пропадает смысл жизни)

Почему нельзя лишать человека надежды? (Без надежды пропадает смысл жизни)

Каковы последствия войны? (Война ни с кем не считается, уносит жизни детей, лишает веры и надежды на светлое будущее, сводит с ума близких, чьи родственники погибли)

Как проявляется любовь к детям? (Родители ждут нас и верят в нас до конца)

Как одно неверное слово может ранить человека и даже убить его? (Одно слово может лишить человека веры и надежды и убить его)

В чем смысл жизни (В надежде)

Проблема черствости (Некоторые люди жестоки по отношению к слабым)

Можно ли скрывать правду во благо человека? (Да, иногда горькая правда должна остаться неизвестной)

Задание по тексту:

Найти антонимы (младший-старший)

Соловейчик, о счастье

Фрагмент книги, по которой предлагался текст

Ехал я однажды в электричке. Сидевшая рядом со мной у окна скромно одетая сдержанная женщина открыла томик Чехова. Дорога предстояла длинная, книжки я не захватил, люди вокруг были чужие, я стал думать о работе. И тем же тоном, каким спрашивают, например: "Вы не знаете, скоро ли мы приедем?" - я неожиданно для себя и тем более для соседки спросил ее:

- Простите, вы не знаете, что такое счастье?

Женщина с томиком Чехова в руках оказалась замечательной собеседницей. Она не стала спрашивать меня, отчего я задал такой странный вопрос, не стала с ходу отвечать: "Счастье - это...", она не

сказала мне, что счастье - когда тебя понимают, или "что такое счастье - это каждый понимает по-своему", - не стала говорить цитатами: нет, она прикрыла книгу и долго молчала, поглядывая в окно, - думала. Наконец, когда я совсем уже решил, что она забыла о вопросе, она повернулась ко мне и сказала...

Вернемся к ее ответу позже.

Спросим себя: что такое счастье?

В каждой стране есть свой Главный педагог - народ, и есть Главный учебник педагогики - язык, "практическое сознание", как давно писали классики. За поступками мы обращаемся к народу, за понятиями - к языку народа. Я не должен объяснять, что такое счастье, я должен смиренно спросить об этом наш язык - в нем все есть, из него все поймешь, прислушиваясь к слову в сегодняшней нашей речи. Народная мысль содержится не только в пословицах и поговорках, в народной мудрости (пословицы как раз и противоречивы), но в распространенных, обычных фразах и оборотах речи. Поищем: с какими другими словами сочетается интересующее нас понятие, почему так можно сказать, а так нельзя. Так говорят - а так не говорят. Это никогда не бывает случайным.

Мы говорим: "счастливая доля", "счастливый случай", "счастливая судьба", "счастье привалило", "вытянул счастливый билет", "счастливая удача".

Самые деятельные, всего достигшие своим трудом люди все-таки говорят: "Мне выпало счастье... Мне дано счастье..."

Счастье - фортуна, судьба, о которой мы ничего не знаем, и если его нет, то говорят: "Такая уж у меня судьба", "Видно, мне так на роду написано".

Но мы не раз еще столкнемся с законом духовной жизни (это предложение было немного другим): все, что есть в человеке, возникает из двух встречных движений, из двух сил: из движения, направленного от мира к человеку, и движения от человека - к миру. Противоположные эти силы, встречаясь в одной точке, не уничтожаются, а складываются. Но если встреча не происходит, то обеих сил словно и не было. Предположим, человеку нет удачи ни в чем, несчастья преследуют его, и выпала ему, быть может, от рождения тяжелая доля. Не всякий сумеет победить судьбу. Но сильный человек умеет использовать самый незаметный шанс, который, конечно, есть в жизни каждого.

Так и человек побеждает судьбу. Вернее, не судьбу, а трудности, которые посланы ему судьбой. И если нет собственного стремления победить, стремления к счастью, то хоть озолоти его - счастья не будет. У него нет веры в жизнь, воля его сломлена.

Говорят: нашел свое счастье, добыл счастье, достиг счастья и даже - украл чужое счастье. Язык требует действия: нашел, поймал, добыл, достиг, вырвал у судьбы свое счастье, всякий человек - кузнец своего счастья.

Счастье не вещь, и не склад вещей, и не положение, и не денежное состояние, а состояние души, возникающее при достижении сильно желаемого. (И еще что-то типа "счастье - благословение, благодать")

Что же, однако, сказала о счастье женщина в автобусе? Позже выяснилось, что она научный сотрудник, специалист в области химии белков. После долгого обдумывания предложенного ей вопроса она сказала:

- Я не могу дать определения счастья.

Вот ученый! Ученый не тот, кто все знает, а тот, кто точно знает, чего он не знает. Но, может быть, так: у человека есть духовные стремления: когда они удовлетворяются, он чувствует себя счастливым. Похоже на правду?

Примерная проблематика:

Что такое счастье? (это состояние души, возникающее при достижении желаний, духовных стремлений)

Можно ли победить судьбу? (да, человек может победить трудности, посланные ему судьбой)

Задание по тексту:

Найти синонимы (доля-судьба)

Паустовский, о природе

Фрагмент рассказа, по которому предлагался текст
Мы прожили несколько дней на кордоне, ловили рыбу на Шуге, охотились на озере Орса, где было всего несколько сантиметров чистой воды, а под ней лежал бездонный вязкий ил. Убитых уток, если они падали в воду, нельзя было достать никаким способом. По берегам Орса приходилось ходить на широких лесниковских лыжах, чтобы не провалиться в трясину.

Но больше всего времени мы проводили на Пре. Я много видел живописных и глухих мест в России, но вряд ли когда-нибудь увижу реку более девственную и таинственную, чем Пра.

Сосновые сухие леса на ее берегах перемежались с вековыми дубовыми рощами, с зарослями ивы, ольхи и осины. Корабельные сосны, поваленные ветром, лежали, как медные литые мосты, над ее коричневой, но совершенно прозрачной водой. С этих сосен мы удрили упористых язей.

Перекрытые речной водой и перевейные ветром песчаные косы поросли мать-и-мачехой и цветами. За все время мы не видали на этих белых песках ни одного человеческого следа – только следы волков, лосей и птиц.

Заросли вереска и брусники подходили к самой воде, перепутываясь с зарослями рдеста, розовой частухи и телореза.

Река шла причудливыми изгибами. Ее глухие затоны терялись в сумраке прогретых лесов. Над бегучей водой непрерывно перелетали с берега на берег сверкающие сизоворонки и стрекозы, а в вышине парили огромные ястребы.

Все доцветало вокруг. Миллионы листьев, стеблей, веток и венчиков преграждали дорогу на каждом шагу, и мы терялись перед этим натиском растительности, останавливались и дышали до боли в легких терпким воздухом столетней сосны. Под деревьями лежали слои сухих шишек. В них нога тонула по косточку.

Иногда ветер пробежал по реке с низовьев, из лесистых пространств, оттуда, где горело в осеннем небе спокойное и еще жаркое солнце. Сердце замирало от мысли, что там, куда струится эта река, почти на двести километров только лес, лес и нет никакого жилья. Лишь кое-где на берегах стоят шалаши смолокуров и тянет по лесу сладковатым дымком тлеющего смолья.

Но удивительнее всего в этих местах был воздух. В нем была полная и совершенная чистота. Эта чистота придавала особую резкость, даже блеск всему, что было окружено этим воздухом. Каждая сухая ветка сосны была видна среди темной хвои очень далеко. Она была

как бы выкована из заржавленного железа. Далеко было видно каждую нитку паутины, зеленую шишку в вышине, стебель травы.

Ясность воздуха придавала какую-то необыкновенную силу и первозданность окружающему, особенно по утрам, когда все было мокро от росы и только голубеющая туманка еще лежала в низинах.

А среди дня и река и леса играли множеством солнечных пятен – золотых, синих, зеленых и радужных. Потoki света то меркли, то разгорались и превращали заросли в живой, шевелящийся мир листвы. Глаз отдыхал от созерцания могучего и разнообразного зеленого цвета.

Полет птиц разрезал этот искристый воздух: он звенел от взмахов птичьих крыльев.

Лесные запахи набегали волнами. Подчас трудно было определить эти запахи. В них смешивалось все: дыхание можжевельника, вереска, воды, брусники, гнилых пней, грибов, кувшинок, а может быть, и самого неба... Оно было таким глубоким и чистым, что невольно верилось, будто эти воздушные океаны тоже приносят свой запах – озона и ветра, добежавшего сюда от берегов теплых морей.

Очень трудно подчас передать свои ощущения. Но, пожалуй, вернее всего можно назвать то состояние, которое испытывали все мы, чувством преклонения перед не поддающейся никаким описаниям прелестью родной стороны.

Тургенев говорил о волшебном русском языке. Но он не сказал о том, что волшебство языка родилось из этой волшебной природы и удивительных свойств человека.

А человек был удивителен и в малом и в большом: прост, ясен и доброжелателен. Прост в труде, ясен в своих размышлениях, доброжелателен в отношении к людям. Да не только к людям, а и к каждому доброму зверю, к каждому дереву.

Примерная проблематика:

Как природа влияет на человека? (волшебство русской природы определяет удивительный характер русского человека: он «прост в

труде, ясен в своих размышлениях, доброжелателен» по отношению к людям и самом природе)

СИМОНОВ

Фрагмент рассказа, по которому предлагался текст

Это было утром. Командир батальона Кошелев позвал к себе Семена Школенко и, став с ним рядом в прибрежном кустарнике, как всегда, скупно сказал:

— Языка надо достать.

— Достану, — сказал Школенко.

Он присел в окопе и стал готовиться обдуманно и не спеша. Он проверил автомат, повесил на пояс три диска, приготовил пять гранат, две простые и три противотанковые, положил их в сумку, потом огляделся и, подумав, взял припасенную в солдатском мешке медную проволочку, спрятал ее в карман.

Итти предстояло вдоль берега. Он пошел, не спеша, вперевалку, с оглядкой. Кругом все было тихо. Школенко прибавил шагу и, чтобы сократить расстояние, стал пересекать лощинку напрямик, по мелкому кустарнику. Раздалась пулеметная очередь. Пули прошли где-то близко. Школенко лег и с минуту лежал неподвижно.

Он был недоволен собой. Эта пулеметная очередь — без нее можно было обойтись. Надо было только пройти по густому кустарнику. Хотел сэкономить полминуты, а теперь придется терять десять — обходить кругом. Он поднялся, пригибаясь, перебежал чащу. За полчаса он миновал сначала одну балку, потом другую, заросшую кустарником. Сразу же за этой балкой стояли три сарая и дом: место было почти открытое, заросшее полынью и травой. Школенко лег и пополз по-пластунски. Через несколько минут он подполз к первому сараю и заглянул внутрь его. В сарае было темно и пахло сыростью. По земляному полу ходили куры и поросенок. Но в следующую секунду Школенко заметил у стены неглубокий окопчик и выпиленную в два бревна бойницу. Возле окопчика валялась недокуренная пачка немецких сигарет. Немцы были где-то близко. Теперь это не вызвало сомнений. Следующий сарай был пуст, у третьего возле стога лежало двое убитых красноармейцев, рядом с ними валялись винтовки. Кровь была свежая.

Школенко попробовал восстановить в уме картину происшедшего: ну да, вот они вышли отсюда, шли, наверно, в рост, не таясь, а немец ударил из автомата откуда-нибудь с той стороны. Школенко взяла досада за эту неосторожную смерть. «Если бы они шли со мной, не дал бы им так итти», подумал он, и эта мысль навела его на разные другие, старые заветные мысли насчет того, что не так у нас ходят в разведку: часто без хитрости ходят. Подумать дальше было некогда, надо было искать немца.

В лощинке, заросшей виноградником, он напал на тропку. После прошедшего утром дождя земля еще не просохла, и на тропке были хорошо видны уходящие в лес следы. Через сто метров Школенко увидел пару немецких сапог и винтовку. Откуда они здесь появились, он не мог догадаться, но на всякий случай сунул винтовку в канаву и затоптал ее землей, а сапоги бросил в кустарник. Свежий след вел в лес. Не прополз еще Школенко и 50 метров, как услышал минометный выстрел. Миномет с небольшими паузами ударил десять раз подряд.

Впереди были заросли. Школенко пополз через них налево, где виднелась заросшая яма; кругом был бурьян, а внутри зола. Из ямы в промежутке между кустами был виден просвет. В десяти метрах от Школенко стоял миномет, а еще несколько шагов дальше него — ручной пулемет. Один немец стоял у миномета, а шестеро неподалеку от него сидели, собравшись в кружок, и ели из котелков. В первую секунду Школенко инстинктивно вскинул автомат и хотел дать по ним очередь, но в следующую секунду он рассудительно изменил это решение. Он мог одной очередью не убить сразу всех, и дальше ему предстояла бы неравная борьба. Он, не торопясь, стал изготовлять к бою противотанковую гранату. Противотанковую он выбрал потому, что расстояние было небольшое, а ударить она могла гуще. Он не торопился. Торопиться было незачем, цель была на виду. Он прочно уперся левой рукой в дно ямы, вцепился в землю так, чтобы рука не скользнула, и, приподнявшись, швырнул гранату. Она упала прямо посреди немцев. Когда он увидел, что шестеро лежат неподвижно, а один, тот, который стоял у миномета, продолжает стоять около него, удивленно глядя на изуродованный осколком гранаты ствол. Школенко вскочил и, вплотную подойдя к немцу с автоматом, не сводя с него глаз, знаком показал, чтоб тот

отстегнул с себя парабеллум и бросил на землю. У немца дрожали руки, он долго отстегивал парабеллум и бросил его далеко от себя. Тогда Школенко, толкая немца перед собой, подошел с ним к пулемету. Пулемет был разряжен. Школенко знаком показал немцу, чтобы тот взвалил пулемет на плечи. Немец послушно нагнулся и поднял пулемет. Теперь у него были заняты обе руки.

Несмотря на серьезность положения, Школенко усмехнулся. Ему показалось забавным, что немец своими руками отнесет к нам свой пулемет. Так они и пошли обратно — впереди немец со взваленным на плечи пулеметом, сзади Школенко. Немец шел медленно, спотыкаясь, он не сопротивлялся, но, видимо, не терял надежды встретить кого-нибудь, кто его выручит, и тянул время. Школенко, который все предыдущее делал неторопливо, теперь торопился. Чувство одиночества и страха за то, что ему каждую минуту из-за любого куста могут выстрелить в спину, не было ему чуждо. Пока он делал дело, он не торопился, ни на секунду больше, чем нужно, но теперь ему хотелось скорее вернуться, и он нетерпеливо подталкивал немца в спину.

На командный пункт батальона Школенко добрался только после полудня. Там кроме капитана Кошелева сидел командир полка. Школенко последний раз небрежно ткнул автоматом в спину немца и кратко сказал:

— Вот.

И только потом уже по всей форме доложил о своем прибытии.

Командир полка пожал ему руку, оглядел его с ног до головы и, еще раз крепко стиснув руку, отошел в сторону и о чем-то заговорил с командиром батальона. Их разговор продолжался с минуту. Школенко молча стоял и ждал.

— Хорошо, — сказал командир полка. — Его задачу — он кивнул на капитана Кошелева — вы выполнили, теперь выполните мою. Вы должны узнать, где стоят их остальные минометы.

— Узнаю, — коротко сказал Школенко и добавил: — Разрешите спросить, — один пойду?

— Один, — сказал Кошелев.

— Ну, что ж, тем лучше, — Школенко вскинул на плечо автомат.

— Сначала отдохните, — сказал командир полка, — а потом пойдете.

Школенко, подойдя к связистам, вытащил из сапога ложку и, пристроившись с котелком, стал медленно, со вкусом есть щи. Он устал и был доволен, что ему дали эту передышку. Доев щи, он свернул цыгарку. Все утро он не курил, курить было приятно, особенно в предчувствии того, что до вечера опять не придется курить. Потом он сел и перемотал портянки. Ноги немножко болели. Так он просидел примерно с полчаса, вскинул автомат и уже не добавляя гранат, снова пошел в ту же сторону, что и утром.

Теперь он взял правее деревни и ближе к реке, прячась в росших по обочинам дороги кустах. Первый выстрел из миномета он услышал за 500 метров. Ползти туда пришлось по длинной ложине, продираясь через густой ореховый, царапавший руки и лицо кустарник. Мины шли по направлению к Школенко и пролетали дальше. Он на минуту приостановился, мысленно представил себе траекторию полета и по звуку определил направление, с которого стреляли. После ореховой балки пришлось перевалить холмик, за которым начиналась ложина с густым лесом. Пока он прополз по ней еще 200 метров, выстрелы прекратились. Последний из них был совсем близкий. Вдруг недалеко от Школенко во весь рост поднялся немец. Школенко лег и притаился, пролежал минут десять. Когда немец исчез, Школенко через мелколесье дополз до большого куста. Из куста были хорошо видны все три миномета, стоявшие в балке.

Школенко лег плашмя и вытащил свернутую в трубку бумагу, на которой он еще заранее решил начертить и записать для точности, где именно стоят минометы. Но в ту секунду, когда он принял это решение, семеро немцев, стоявшие у минометов, подошли друг к другу. Все вместе сели у ближнего к Школенко миномета, всего в 8 метрах от него. Только один остался поодаль и, лежа на боку на краю окопа, куда-то звонил и, видимо, никак не мог дозвониться по телефону.

То, что немцы подошли к нему так близко и все, за исключением одного, сидели вместе, толкнуло Школенко на смелый шаг. Он должен был записать и зачертить, потом доложить, потом артиллерия должна была попасть в эти минометы, а между тем немцы сидели все рядом, а у него под рукой были гранаты. Решение родилось мгновенно, может быть так мгновенно от того, что только сегодня, в

точно такой же обстановке ему уже один раз повезло. Так или иначе, Школенко решил управиться с немцами сам. Он, лежа, достал обе противотанковые гранаты, потом вытащил из кармана припасенную медную проволочку, обмотал ею гранаты. Теперь оставалось только кинуть. Школенко опять, как и в тот раз, крепко оперся рукой о землю, набрал поглубже воздух и бросил гранаты. Но гранаты были очень тяжелые — сразу две, он с утра уже очень утомился, все-таки это была вторая разведка за день. И когда он швырнул их, то они на полметра не долетели до немцев. Он это успел заметить, когда ложился на землю плашмя, а в следующую секунду его не сильно ударило в плечо, и он, еще лежа, схватясь за плечо рукой, почувствовал на пальцах кровь.

В следующую секунду он вскочил во весь рост, держа автомат наизготове. Взрыв был очень сильным, и немцы, как в прошлый раз, лежали убитые, только на этот раз никто не остался на ногах и лежали все. Потом один, тот, который оставался у телефона, пошевелился. Школенко подошел к нему и тронул его ногой. Немец перевернулся, лежа на земле, поднял руки и заговорил, но что — в горячке Школенко не разобрал. Рядом с немцем лежал телефон. Не рассчитывая его унести, Школенко ударил несколько раз тяжелым, кованым сапогом и разбил его. Потом он оглянулся, придумывая, что сделать с минометами. Неожиданно в двух десятках шагов от него в кустах сильно зашуршало. Прижав к животу автомат, Школенко пустил туда длинную очередь веером, но из кустов вместо немцев выскочил его хороший знакомый Сатаров, боец 2-го батальона, несколько дней тому назад взятый в плен немцами. Сатаров стоял обросший, босой, в одних кальсонах и не своим голосом, полуоборотясь назад, кричал:

— Наши, наши пришли!

Вслед за ним из кустов вышли еще 16 человек, все такие же голые, обросшие и страшные, как Сатаров. Трое были окровавлены, одного из них поддерживали на руках.

— Ты стрелял? — сказал Сатаров.

— Я, — сказал Школенко.

— Вот поранил ты их, — показал Сатаров рукой на окровавленных людей. — А где же все?

— А я один, — ответил Школенко. — А вы тут что?

— А мы могилу себе рыли, — сказал Сатаров. — Нас двое автоматчиков стерегли. Они как услышали взрыв — побежали. А ты, значит, один?

— Один, — повторил Школенко и посмотрел на минометы. Времени терять было нельзя, вот первое, о чем подумал он в эту минуту. И следствием этой мысли было мгновенное решение. — Скорее минометы берите, — сказал он деловито, — скорее, скорее, чего зря время проводите. Сейчас к своим пойдём.

Несколько человек взялись за минометы и взвалили их на себя, остальные повели раненых. Теперь Школенко торопился уйти обратно еще больше, чем в первый раз, ему скорей хотелось увести к своим этих замученных людей и кроме того, он еще сам не мог опомниться от своей удачи. Ему казалось, что вот-вот, если протянуть хоть немного время, вся эта удача может вдруг сорваться. Он шел последним, замыкая шествие, то и дело прислушиваясь и поворачиваясь с автоматом назад.

Только теперь, когда он шел сзади вырученных им из плена и видел окровавленные тела раненых, он вдруг очнулся от ошеломляющего чувства боя. «Хорошо, что еще не убил, — подумал он о своих, — хорошо, что не убил никого. Кто же знал, что они здесь, — утешал он себя, — я ведь не знал, думал немцы». И он вслух повторил эту мысль шедшему рядом с ним Сатарову.

— Я ведь не знал, — думал немцы.

— Конечно, — просто ответил Сатаров. — А то как же.

Между освобожденными красноармейцами, прихрамывая на одну ногу и держась за разбитую голову, шел пленный немец, тот, что лежал у телефона. Он шел, сжимая голову руками, изредка стонал, с ужасом оглядываясь на шедших рядом с ним голых, окровавленных людей. Пять минут назад они копали могилу, теперь он их боялся, как оживших мертвецов, боялся, пожалуй, больше, чем самого Школенко.

Через полтора часа незаметными тропами, они дошли до батальона. Школенко отрапортовал и, выслушав скупую благодарность капитана, соединенную с крепким дружеским пожатием, отошел на пять шагов и ничком лег на землю.

Оглушающая усталость этого дня сразу навалилась на него. Открытыми глазами он смотрел на травинки, росшие около, и казалось страшным, что все это было и кончилось, а он вот живет и кругом растет трава, и все на свете так же, как было утром.

Нагибин, о красоте

Фрагмент рассказа, по которому предлагался текст

В первые годы после революции академик архитектуры Щусев читал перед широкой, преимущественно молодежной рабочей аудиторией лекции по эстетике. Их целью было приобщить широкие массы, как тогда выражались, к пониманию красоты, наслаждению искусством. На первой же лекции, прочитанной Щусевым с огромным воодушевлением, талантом прирожденного популяризатора и, само собой разумеется, исчерпывающим знанием предмета, поднялся какой-то парень с прилипшим к нижней губе окурком и развязно сказал:

– Вот вы, товарищ профессор, все бубнили: красота, красота, а я так и не понял, чего такое эта красота?

Кто-то засмеялся. Щусев внимательно поглядел на парня. Сутулый, длиннорукий, мутноглазый. И чего завалился на лекцию этот вовсе не безупречный шатун – погреться или побузить? Его нисколько не интересовала суть вопроса, хотелось озадачить распинающегося на кафедре «интеллекта» и выставиться перед окружающими. Его надо крепко осадить ради общего дела. Щусев прищурился и спросил:

– Зеркало дома есть?

– Есть. Я перед ним броюсь.

– Нет, большое...

– Ага. В стенном шкапе.

– Щусев протянул парню фотографию, снятую с «Давида» Микеланджело, которую тот машинально взял. – Вы сразу поймете, что такое красота и что такое безобразие.

Я привел этот случай не развлечения ради. В насмешливой выходке архитектора есть рациональное зерно. Щусев предложил самый верный способ постигнуть красоту. Истина и вообще познается в сравнении. Лишь вглядываясь в образы красоты, созданные искусством, будь то Венера Милосская или Ника Самофракийская, мадонна Рафаэля или мальчик Пинтуриккьо, Флора Тициана или автопортрет Ван Дейка, царевна-лебедь Врубеля или три богатыря

Васнецова, крестьянская девушка Аргунова, кружевница Тропинина, дочь Нестерова или бегущие спортсменки Дейнеки, можно приучить свой глаз и душу к той радости, которую дает встреча с прекрасным. Этой цели служат музеи, выставки, репродукции, книги по искусству.

Как хорошо сказал великий педагог К. Ушинский: «Всякое искреннее наслаждение изящным само по себе источник нравственной красоты». Вдумайся в эти слова, читатель!..

Из заданий:

Какое предложение связано с предыдущим при помощи личного местоимения?

Кто-то засмеялся. Щусев внимательно поглядел на парня. Сутулый, длиннорукий, мутноглазый. И чего завалился на лекцию этот вовсе не безупречный шатун – погреться или побузить? Его несколько не интересовала суть вопроса, хотелось озадачить распинаящегося на кафедре «интеллекта» и выставиться перед окружающими.

Васильев

Фрагмент повести, по которому предлагался текст

От нашего класса у меня остались воспоминания и одна фотография. Групповой портрет с классным руководителем в центре, девочками вокруг и мальчиками по краям. Фотография поблекла, а поскольку фотограф старательно наводил на преподавателя, то края, смазанные еще при съемке, сейчас окончательно расплылись; иногда мне кажется, что расплылись они потому, что мальчики нашего класса давно отошли в небытие, так и не успев повзрослеть, и черты их растворило время.

Мне почему-то и сейчас не хочется вспоминать, как мы убегали с уроков, курили в котельной и устраивали толкотню в раздевалке, чтобы хоть на миг прикоснуться к той, которую любили настолько тайно, что не признавались в этом самим себе. Я часами смотрю на выцветшую фотографию, на уже расплывшиеся лица тех, кого нет на этой земле: я хочу понять. Ведь никто же не хотел умирать, правда?

А мы и не знали, что за порогом нашего класса дежурила смерть. Мы были молоды, а незнания молодости восполняются верой в собственное бессмертие. Но из всех мальчиков, что смотрят на меня с фотографии, в живых осталось четверо.

А еще мы с детства играли в то, чем жили сами. Классы соревновались не за отметки или проценты, а за честь написать письмо папанинцам или именоваться «чкаловским», за право побывать на открытии нового цеха завода или выделить делегацию для встречи испанских детей.

И еще я помню, как горевал, что не смогу помочь челюскинцам, потому что мой самолет совершил вынужденную посадку где-то в Якутии, так и не долетев до ледового лагеря. Самую настоящую посадку: я получил «плохо», не выучив стихотворения. Потом-то я его выучил: «Да, были люди в наше время...» А дело заключалось в том, что на стене класса висела огромная самодельная карта и каждый ученик имел свой собственный самолет. Отличная оценка давала пятьсот километров, но я получил «плохо», и мой самолет был снят с полета. И «плохо» было не просто в школьном журнале: плохо было мне самому и немного — чуть-чуть! — челюскинцам, которых я так подвел.

Улыбнись мне, товарищ. Я забыл, как ты улыбался, извини. Я теперь намного старше тебя, у меня масса дел, я оброс хлопотами, как корабль ракушками. По ночам я все чаще и чаще слышу всхлипы собственного сердца: оно утомилось. Устало болеть.

Я стал седым, и мне порой уступают место в общественном транспорте. Уступают юноши и девушки, очень похожие на вас, ребята. И тогда я думаю, что не дай им Бог повторить вашу судьбу. А если это все же случится, то дай им Бог стать такими же.

Между вами, вчерашними, и ими, сегодняшними, лежит не просто поколение. Мы твердо знали, что будет война, а они убеждены, что ее не будет. И это прекрасно: они свободнее нас. Жаль только, что свобода эта порой оборачивается безмятежностью...

В девятом классе Валентина Андроновна предложила нам тему свободного сочинения «Кем я хочу стать?». И все ребята написали, что они хотят стать командирами Красной Армии. Даже Вовик Храмов пожелал быть танкистом, чем вызвал бурю восторга. Да, мы искренне хотели, чтобы судьба наша была суровой. Мы сами избирали ее, мечтая об армии, авиации и флоте: мы считали себя мужчинами, а более мужских профессий тогда не существовало.

В этом смысле мне повезло. Я догнал в росте своего отца уже в восьмом классе, а поскольку он был кадровым командиром Красной Армии, то его старая форма перешла ко мне. Гимнастерка и галифе, сапоги и командирский ремень, шинель и буденовка из темно-серого сукна. Я надел эти прекрасные вещи в

один замечательный день и не снимал их целых пятнадцать лет. Пока не демобилизовался. Форма тогда уже была иной, но содержание ее не изменилось: она по-прежнему осталась одеждой моего поколения. Самой красивой и самой модной.

Мне люто завидовали все ребята. И даже Искра Полякова.

— Конечно, она мне немного велика, — сказала Искра, примерив мою гимнастерку. — Но до чего же в ней уютно. Особенно, если потуже затянуться ремнем.

Я часто вспоминаю эти слова, потому что в них — ощущение времени.

Мы все стремились затянуться потуже, точно каждое мгновение нас ожидал строй, точно от одного нашего вида зависела готовность это этого общего строя к боям и победам. Мы были молоды, но жаждали не личного счастья, а личного подвига. Мы не знали, что подвиг надо сначала посеять и вырастить. Что зреет он медленно, незримо наливаясь силой, чтобы однажды взорваться ослепительным пламенем, сполохи которого еще долго светят грядущим поколениям.

Куваев

В палатке по ночам стало холодно. Салахов мотался по окрестностям, набирал пробы в рюкзак. Пробы он приносил Богу Огня, который, закутавшись в плащ, сидел у воды и хлюпал носом. Когда Салахов приносил пробу, он лишь моргал слезящимися от простуды глазами, сбрасывал плащ и шел в воду. Салахов очень его жалел.

— Потерпи, — сказал он.

— А я чего? Я терплю! — быстро ответил Бог Огня. Когда собрали лагерь, Салахов взял рюкзак Бога Огня, положил его сверху на свой.

— Я сам, я сам, — наконец сказал Бог Огня. Лицо у него было серым, и зубы постукивали в ознобе. Так как Салахов ему не ответил, то Бог Огня пробормотал, оправдываясь:

— Простудился я маленько. Только пустому мне срамотно идти.

— Придем на Ватап, там кусты, — сказал Салахов. — Устрою тебе парную, и будешь здоровый.

— Костер запалим?

— На всю тундру и дальше.

— Тут полубочка валяется. Надо взять, ежели баня.

— Где?

— Я понесу. Она легонькая, — засуетился Бог Огня.

Бог Огня сбросил бочку и сразу разжег костер. Салахов выбрал косу с ровной галькой, расчистил от снега, натаскал сухих веток. Снег перестал, но облака так и висели: выстрели дробью — прольются осадками. Они быстро наносили кучу сушняка величиной с большую копну. Бог Огня запалил ее, и скоро на гальке полыхал огромный и жаркий костер. Когда костер прогорел, в центр его поставили наполненную водой полубочку и, приплясывая от жары, натянули мокрую палатку прямо над раскаленными камнями. Салахов притащил охапку зеленых веток, бросил ее в палатку, велел Богу Огня раздеваться и залез следом сам. Банка воды, опрокинутая на гальку, взорвалась паром. Бог Огня блаженно взвыл, и так полчаса из палатки доносились взрывы пара, хлестание веток и стон.

От сохранивших тепло камней палатка просохла, и они провели ночь в сухом и нежарком тепле. Утром Салахов проснулся в палатке один. Тепло все еще держалось, и Салахов полежал в дремоте. Выйдя из палатки, он увидел ясное небо и Бога Огня у воды. Тот неторопливо мыл пробу, взятую прямо у берега.

— Проснулся я прямо здоровый, — сказал рабочий и радостно передернул в подтверждение плечами. — Решил посмотреть на удачу в лоток.

Над верховьями реки висело солнце, небо было безоблачным, и тундра, и пожелтевший кустарник сверкали радостным желтым цветом, снег исчез.

Бог Огня положил лоток, снял росомашью шапку и вытащил из-за отворота ее кусок лески.

— Красную тряпочку жрет, собака. Гляди! — он преданно глянул на Салахова, метнул леску в воду и тотчас выбросил на песок крупного темноспинного хариуса.

Бог Огня укрепил ноги в не по росту больших сапогах, поддернул телогрейку, сдвинул лохматую шапку и стал челноком таскать хариусов одного за другим. Вскоре весь песок вокруг него был завален упругими отливающими перламутром рыбами.

— Хватит! — сказал Салахов. — Остановись.

— На эту бы реку... да с сетями, да с бочками. И горб гнуть не надо. На материке-то лазишь, лазишь с бреднем, еле на уху наберешь. А если бы эту реку туда. А нашу воронежскую сюда. Все равно тут населения нету, здесь и пустая река сгодится.

— Ты бы там ее за неделю опустошил, — сказал Салахов.

— За неделю? Не-ет! — вздохнул Бог Огня.

— Закрывай санаторий, — распорядился Салахов.

— Может, навялим да с собой унесем? — предложил нерешительно Бог Огня.

— Против жадности слова силы не имеют, — усмехнулся Салахов. — Против нее автоматы нужны.

Салахов, забыв, что ему надо брать пробу, все шагал и шагал по сухому берегу реки Ватап. Мысль о том, что добро к людям ведет к их же освинению, была ему очень неприятна. Какая-то безысходная мысль. По опыту армии, по опыту тюремной жизни Салахов знал, что излишняя строгость так же озлобляет людей. «Значит, ни добром, ни страхом нас не возьмешь, — думал он. — Но должен быть какой-то подход. Должна же быть открытая дверь...»

И вдруг Салахов остановился. Ответ, найденный им, был прост, очевиден. Среди множества человеческих коллективов есть, наверное, только один, который твой. Как в армии своя рота. Если ты нашел его — держись за него зубами. Пусть все видят, что ты свой, ты до конца с ними. И что у тебя все на виду. Одна крыша, одна судьба.

Примерная проблематика:

В чем заключается предназначение человека? (Бороться с субъективным злом - предназначение человека) Почему происходит зло? (По человеческой глупости)

В чем смысл жизни? (Смысл жизни в том, чтобы творить добро и бороться со злом)

Как устранить зло? (Работа - есть устранение всеобщего зла)

К чему ведет зло? (К разрушению человека и мира)

Почему важно трудиться? (Это помогает бороться со злом)

Как стихия влияет на человека? (Жизнь останавливается, человек не может дать активным отпор)

В чем разница между объективным и субъективным злом? (Объективное исходит от явлений природы, а субъективное творит человек)

Санин

Гаврилов — вот кто не давал Саницыну покоя. Память, не подвластная воле человека, сделала с Саницыным то, чего он боялся больше всего, — перебросила его в 1942 год.

Он стоял на часах у штаба, когда комбат, сибиряк с громовым басом, отдавал приказ командирам рот. И Саницын услышал, что батальон уходит, оставляя на высоте один взвод. Этот взвод должен сражаться до последнего патрона, но задержать фашистов хотя бы

на три часа. Его, Сеницына, взвод, второй взвод первой роты! И тогда с ним, безусым мальчишкой, случился солнечный удар. Жара стояла страшная, такие случаи бывали, и пострадавшего, облив водой, увезли на повозке. Потом по дивизии объявляли приказ генерала и салютовали павшим героям, больше суток отбивавшим атаки фашистов. И тут командир роты увидел рядового Сеницына.

— Ты жив?!

Сеницын сбивчиво объяснил, что у него был солнечный удар и поэтому...

— Поня-ятно, — протянул комроты и посмотрел на Сеницына.

Никогда не забыть ему этого взгляда! С боями дошел до Берлина, честно заслужил два ордена, смысл никем не доказанную и никому не известную вину кровью, но этот взгляд долго преследовал его по ночам. А теперь еще и Гаврилов.

Перед самым уходом «Визе» к нему подошел Гаврилов и, явно пересиливая себя, неприязненно буркнул: «Топливо подготовлено?» Сеницын, измученный бессонницей, падающий с ног от усталости, утвердительно кивнул. И Гаврилов ушел, не попрощавшись, словно жалея, что задал лишний и ненужный вопрос. Ибо само собой разумелось, что ни один начальник транспортного отряда не покинет Мирный, не подготовив своему сменщику зимнего топлива и техники. Ну, не было в истории экспедиций такого случая и не могло быть! Поэтому в заданном Гавриловым вопросе любой на месте Сеницына услышал бы хорошо рассчитанную бестактность, желание обидеть и даже оскорбить недоверием.

Сеницын точно помнил, что кивнул он утвердительно.

Но ведь зимнее топливо, как следует, он подготовить не успел! То есть подготовил, конечно, но для своего похода, который должен был состояться полярным летом. А Гаврилов пойдет не летом, а в мартовские морозы, и поэтому для его похода топливо следовало готовить особо. И работа чепуховая: добавить в цистерны с соляром нужную дозу керосина, побольше обычного, тогда никакой мороз не возьмет. Как он мог запомнить!

Сеницын чертыхнулся. Нужно немедленно бежать в радиорубку, узнать, вышел ли Гаврилов в поход. Если не вышел, сказать правду: извини, оплошал, забыл про топливо, добавь в соляр керосина. Если же Гаврилов в походе, поднять тревогу, вернуть поезд в Мирный, даже ценой потери нескольких дней, чтобы разбавить солярку.

Сеницын начал одеваться, сочиняя в уме текст радиogramмы, и остановился. Стоит ли поднимать панику, на скандал, проработку

напрашиваться? Ну какие будут на трассе морозы? Градусов под шестьдесят, не больше, для таких температур и его солярка вполне сгодится.

Успокоив себя этой мыслью, Синицын снял с кронштейна графин с водой, протянул руку за стаканом и нащупал на столе коробочку. В полутьме прочитал: «люминал». И у Женьки нервишки на взводе... Сунул в рот две таблетки, запил водой, лег и забылся тяжелым сном. Через три часа санно-гусеничный поезд Гаврилова ушел из Мирного на Восток.

Примерная проблематика:

Нравственного выбора (нужно уметь сделать правильный выбор, прислушиваясь к своей совести)

Как детские комплексы влияют на взрослую жизнь человека? (Они мешают смотреть на все незамутненными глазами, из страха человек не может исправить свои ошибки)

Как воспоминания человека влияют на его жизнь (Человек может сделать выводы, а может из страха пренебречь этими выводами)

Чем опасна гордыня? (Она не позволяет признать ошибку, которую уже нельзя будет исправить)

Почему важно уметь признавать свои ошибки? (потому что они могут стоить человеку жизни)

В чем проявляется мужество человека? (В умении признавать свои ошибки)

Почему важно добросовестно выполнять свою работу? (Потому что от работы может зависеть судьба другого человека, его жизнь)

Куваев

В стену управления что-то глухо стукнуло, раздался как бы расширенный вздох и тотчас задребезжали, заныли стекла в торце коридора.

— Господи благослови! — сказал кто-то. — Первый зимний!

— Что это? — тихо спросила Сергушова у Гурина.

— Южак. Первый за эту зиму. Придется сбегать отсюда. Каждый журналист, каждый заезжий литератор и вообще любой, побывавший в Поселке и взявшийся за перо, обязательно писал и будет писать о южаке. Это все равно что побывать в Техасе и не написать слова «ковбой» или, будучи в Сахаре, не упомянуть верблюда. Южак был чисто поселковым явлением, сходным со

знаменитой новороссийской борой. В теплые дни за склоном хребта скапливался воздух и затем с ураганной силой сваливался в котловину Поселка. Во время южака всегда бывало тепло, и небо безоблачно, но этот теплый, даже ласковый ветер сшибал человека с ног, перекачивал его до ближайшего закутка и посыпал сверху снежной пылью, шлаком, песком, небольшими камнями. В южак лучше всего годились ботинки на триконях и защитные очки горнолыжника. В южак не работали магазины, была закрыта учреждения, в южак сдвигались крыши, и в крохотную дырку, в которую не пролезет иголка, за ночь набивались кубометры снега.

Лампочки потускнели, стекла уже дребезжали непрерывно, и за стеной слышались все учащающиеся вздохи гигантских легких, по временам где-то било металлом о металл.

Они сидели, сгрудившись за одним столом. Лампочка помигала и погасла — или повредило проводку, или электростанция меняла режим работы.

Такое получается дело, - как всегда, неожиданно забубнил Колков. Он обежал всех шалым взглядом пророка и ясновидца, обхватил ладонями кружку, сгорбился. - Лежим мы нынче в палатке. Угля нет, солярка на исходе, погода дует. И все такое прочее. Кукули за лето слиплись от пота, не шерсть, а стружки. Пуржит, палатка ходуном ходит, ну и разное, всем известное. Лежу, думаю: ну как начальство подкачает с транспортом, куда я буду девать вверенных мне людей? Пешком не выйдешь. Мороз, перевалы, обуви нет. Ищу выход. Но я не о том. Мысли такие: зачем и за что? За что работяги мои постанывают в мешках? Деньгами сие не измерить. Что получается? Живем, потом умираем. Все! И я в том числе. Обидно, конечно. Но зачем, думаю, в мире от древних времен так устроено, что мы сами смерть ближнего и свою ускоряем? Войны, эпидемии, неустройство систем. Значит, в мире зло. Объективное зло в силах и стихиях природы, и субъективное от несовершенства наших мозгов. Значит, общая задача людей и твоя, Копков, в частности, это зло устранять. Общая задача для предков, тебя и твоих потомков. Во время войны ясно - бери секиру или автомат. А в мирное время? Прихожу к выводу, что в мирное время работа есть устранение всеобщего зла. В этом есть высший смысл, не измеряемый деньгами и должностью. Во имя этого высшего смысла стонут во сне мои работяги, и сам я скриплю зубами, потому что по глупости подморозил палец. В этом есть высший смысл, в этом общее и конкретное предназначение.

Копков еще раз вскинул глаза, точно с изумлением разглядывал неизвестных ему людей, и так же неожиданно смолк, отвернул голову в сторону.

Все молча собрались вокруг него. Рыжеволосый заика Копков со славой чудака, первопроходца дальних маршрутов, с его свитерами из шерсти мамонта, различными историями, которые то ли случались с ним, то ли нет, в сорок лет уже был легендой. Даже работяги с ним каждый год ходили одни и те же, похожие на начальника, смурные, кособокие, молчаливые и все умевшие тундровики.

Примерная проблематика:

Отношение к природе (Человек потребительски относится к природе, опустошает ее, ничего не давая взамен)

Жадности (К чему ведет? Как проявляется жадность? Как бороться с жадностью? Почему нужно бороться с жадностью?)

Как нужно относиться к людям? (Помогать им, когда они в этом нуждаются, даже если это приводит к разочарованию)

Как найти подход к человеку (нужно найти золотую середину между добром и строгостью)

Роль дружбы в жизни человека (Что значит найти "своего человека"? (это значит найти своего человека, за которого ты будешь держаться до конца, с которым будешь до конца, с которым у тебя одна судьба)

Из заданий по тексту:

Выпишите антонимы (живём-умираем)

Мамин-Сибиряк

(1)На меня самое сильное впечатление производят сны, в которых поднимается далёкое детство и в неясном тумане встают уже не существующие лица, тем более дорогие, как всё безвозвратно утраченное. (2)Я долго не могу проснуться от такого сна и долго вижу живыми тех, кто давно уже в могиле. (3)И какие всё милые, дорогие лица! (4)Кажется, чего бы не дал, чтобы хоть издали взглянуть на них, услышать знакомый голос, пожать их руки и ещё раз вернуться к далёкому-далёкому прошлому. (5)Мне начинает казаться, что эти молчаливые тени чего-то требуют от меня. (6)Ведь я стольким обязан этим бесконечно дорогим для меня людям...

(7)Но в радужной перспективе детских воспоминаний живыми являются не одни люди, а и те неодушевлённые предметы, которые так или иначе были связаны с маленькой жизнью начинающего маленького человека. (8)И сейчас я думаю о них, снова переживая впечатления и ощущения детства. (9)В этих немых участниках детской жизни на первом плане всегда, конечно, стоит детская книжка с картинками... (10)И это была та живая нить, которая выводила из детской комнаты и соединяла с остальным миром. (11)Для меня до сих пор каждая детская книжка является чем-то живым, поскольку она пробуждает детскую душу, направляет детские мысли по определённому руслу и заставляет биться детское сердце вместе с миллионами других детских сердец. (12)Детская книга - весенний солнечный луч, который заставляет пробуждаться дремлющие силы детской души и вызывает рост брошенных на эту благодарную почву семян. (13)Дети, благодаря этой книжке, сливаются в одну громадную духовную семью, которая не знает этнографических и географических границ. (14)Здесь мне придётся сделать небольшое отступление именно по поводу современных детей, у которых приходится сплошь и рядом наблюдать полное неуважение к книге. (15)Растрёпанные переплёты, следы грязных пальцев, загнутые углы листов, всевозможные каракули на полях -одним словом, в результате получается книга-калека. (16)Трудно понять причины всего этого, и можно допустить только одно объяснение: нынче выходит слишком много книг, они значительно дешевле и как будто потеряли настоящую цену среди других предметов домашнего обихода. (17)У нашего поколения, которое помнит дорогую книгу, сохранилось особенное уважение к ней как к предмету высшего духовного порядка, несущего в себе яркую печать таланта и святого труда.
(По Д. Мамину-Сибиряку)

Примерная проблематика (ключ из варианта прошлых лет):

<p>Проблема памяти (В чём заключается долг памяти перед теми, кого уже нет с нами?)</p>	<p>Близкие люди, которых уже нет с нами, всегда живы в нашей памяти; мы благодарны им за всё, что они для нас сделали; долг памяти перед ними заключается в стремлении стать лучше.</p>
---	---

Проблема воспоминаний детства (Какие чувства вызывают у человека воспоминания о детстве?)	Воспоминания о детстве пробуждают в человеке самые сильные и яркие чувства.
Проблема роли книги в становлении личности ребёнка (Какую роль играет книга в становлении личности ребёнка?)	Детская книга пробуждает душу ребёнка, соединяет его со всем миром, воспитывает бережное отношение к духовным ценностям.
Проблема бережного отношения к книгам (Почему книги требуют бережного к себе отношения?)	Книга – это предмет высшего духовного порядка, и поэтому она требует к себе особого уважения.

Глушко

Проснулась уже утром, в окно с поднятой шторой било солнце, за окном тянулись пустые поля, все в белых гребнях изморози, по ним разгуливали большие птицы, в небе застыли белые комочки облаков; женщина в пуховом платке и ватнике шла по тропинке, несла на плече вязанку хвороста, следом бежала девочка в маленьких черных валенках и красных рукавичках — просто не верилось в это утро, что есть война.

Ехали вместе пятые сутки и многое знали друг о друге. Например, эта красивая женщина пробирается с детьми к родственникам мужа. У нее погиб муж на западной границе. А сестры — молодые учительницы из Полтавы, их поезд разбомбило, и все вещи погибли, успели выскочить, прихватив документы и узелок с едой.

Лев Михайлович — тот старик, что спал у нее в ногах, — беженец из Прибалтики, с самого начала войны скитался по городам, разыскивал племянницу, больше у него никого из родных нет.

Теперь вот нет и дома. Знакомые в Москве сказали, что племянница выехала в Ташкент. С юмором и без обиды рассказывал он, как перепугало знакомых его «явление в Москве»: сперва приняли за бродягу — так обтрепался он за дорогу, — потом, когда узнали, испугались еще больше, решили, что осядет у них, и хором уговаривали ехать в Ташкент, даже деньгами помогли.

Льва Михайловича сейчас в купе не было, и Нина, уже привыкшая к нему, беспокоилась: не отстал бы!

Появился Лев Михайлович с большим алюминиевым чайником:

— Ну-с, вот кипяточек, прошу... Только чайник надо сейчас же вернуть, я взял у проводника.

Лев Михайлович разлил кипяток — Нина заметила на его пальце след обручального кольца, — потом отнес чайник, вернулся, сел рядом с капитаном.

— А вы? — Нина кинула в банку с кипятком несколько кусков сахара, сделала бутерброд с сыром, протянула ему. — Завтракайте и пейте чай.

Лев Михайлович покачал головой.

— Я уже завтракал, благодарю... На станции. К тому же, я остаюсь в Пензе.

Это известие ошеломило Нину. Она привязалась к этому человеку, которого сперва тоже испугалась, как и его московские знакомые, — не брит, не ухожен, пальто все в грязных пятнах, обвисли поля старой шляпы, — но он оказался человеком интеллигентным, с хорошими манерами, Нина потом узнала, что он, владеет несколькими языками, в свое время преподавал в университете, вышел на пенсию, а теперь вот война сделала его беженцем. Он неназойливо опекал Нину все эти дни, приносил ей со станций все, что удавалось достать: вареную картошку, воблу, кислую капусту в капустном листке. А как спокойно и надежно ей было, когда он спал полусидя, привалившись к ее ногам, а днем шутил, называл «деточкой», заговаривал ее тревогу... Как же теперь без него? И вдруг она все поняла: у него кончились продукты! Он голодный, он не мог завтракать на станции, потому что никакой тут станции нет, поезд стоял на разъезде! Он не может без продуктов ехать дальше! Да, он так и говорил — еще тогда, когда отъехали от Москвы: «Мой маршрут, деточка, прокладывает не билет, а желудок, потому, полагаю, маршрут этот будет прерывистым».

— Я знаю, почему вы выходите в Пензе, знаю, — сказала она. — Но это же не причина, это, простите, мелочно... Вот есть сыр, и у меня много хлеба, потом еще достанем...

Тут и учительницы подключились, стали уговаривать, отрезали ему сала, но он засмеялся, выставил ладони:

— Дорогие дамы, благодарю, но я еще так Низко не пал, чтобы пойти на иждивение к женщинам.

Она все стояла и смотрела ему вслед и думала, что, наверно, этот человек жил хорошей интересной жизнью, у него была квартира и в ней много старинных книг, а может, был и рояль — у него длинные артистические пальцы, — и он играл вечерами, а в доме пахло цветами. А теперь вот скитается — бездомный, осиротевший и голодный, ему негде приклонить голову, и все из-за проклятой войны! И сколько еще людей страдает на дорогах войны, каждый день идут плохие новости, и всякий раз перед сводкой Совинформбюро болью сжимается сердце...

Казакевич

В уединенном блиндаже оставалась только радистка Катя. Что означал ответ Травкина на ее заключительные слова по радио? Сказал ли он “я вас понял” вообще, как принято подтверждать по радио услышанное, или он вкладывал в свои слова определенный тайный смысл? Эта мысль больше всех других волновала ее. Ей казалось, что, окруженный смертельными опасностями, он стал мягче и доступней простым, человеческим чувствам, что его последние слова по радио — результат этой перемены. Она улыбалась своим мыслям. Выпросив у военфельдшера Улыбышевой зеркальце, она смотрелась в него, стараясь придать своему лицу выражение торжественной серьезности, как подобает — это слово она даже произносила вслух — невесте героя.

А потом, отбросив прочь зеркальце, принималась снова твердить в ревуший эфир нежно, весело и печально, смотря по настроению:

— Звезда. Звезда. Звезда. Звезда.

Через два дня после того разговора Звезда вдруг снова отозвалась:

— Земля. Земля. Я Звезда. Слышишь ли ты меня? Я Звезда.

— Звезда, Звезда! — громко закричала Катя.— Я Земля. Я слушаю тебя, слушаю, слушаю тебя.

Она протянула руку и настежь отворила дверь блиндажа, чтобы кого-нибудь позвать, поделиться своей радостью. Но кругом никого не было. Она схватила карандаш и приготовилась записывать. Однако Звезда на полуслове замолчала и уже больше не говорила. Всю ночь Катя не смыкала глаз, но Звезда молчала.

Молчала Звезда и на следующий день и позднее. Изредка в блиндаж заходили то Мещерский, то Бугорков, то майор Лихачев, то капитан Яркевич — новый начальник разведки. Но Звезда молчала.

Катя в полудремоте целый день прижимала к уху трубку радиации. Ей мерещились какие-то странные сны, видения. Она опоминалась, дрожа от ужаса, что могла пропустить мимо ушей вызовы Травкина, и принималась снова говорить в трубку:

— Звезда. Звезда. Звезда.

До нее издали доносились артиллерийские залпы, гул начинающегося сражения.

В эти напряженные дни майор Лихачев очень нуждался в радистах, но снять Катю с дежурства у радиации не решался. Так она сидела, почти забытая, в уединенном блиндаже.

Как-то поздно вечером в блиндаж зашел Бугорков. Он принес письмо Травкину от матери, только что полученное с почты. Мать писала о том, что она нашла красную общую тетрадь по физике, его любимому предмету. Она сохранит эту тетрадь. Когда он будет поступать в вуз, тетрадь ему очень пригодится. Действительно, это образцовая тетрадь. Собственно говоря, ее можно было бы издать как учебник, — с такой точностью и чувством меры записано все по разделам электричества и теплоты. У него явная склонность к научной работе, что ей очень приятно. Кстати, помнит ли он о том остроумном водяном двигателе, который он придумал двенадцатилетним мальчиком? Она нашла эти чертежи и много смеялась с тетей Клавой над ними.

Прочитав письмо, Бугорков склонился над рацией, заплакал и сказал: «Скорей бы войне конец... Нет, не устал. Я не говорю, что устал. Но просто пора, чтобы людей перестали убивать».

И с ужасом Катя вдруг подумала, что, может быть, бесполезно ее сидение здесь, у аппарата, и ее бесконечные вызовы Звезды. Звезда закатилась и погасла. Но как она может уйти отсюда? А что, если он заговорит? А что, если он прячется где-нибудь в глубине лесов?

И, полная надежды и железного упорства, она ждала. Никто уже не ждал, а она ждала. И никто не смел снять рацию с приема, пока не началось наступление.

Гаршин

1) Рябинин – талантливая натура, но зато лентяй ужасный. (2) Я не думаю, чтобы из него вышло что-нибудь серьезное, хотя все молодые художники – его поклонники. (3) Особенно мне кажется странным его пристрастие к так называемым реальным сюжетам: пишет лапти да полушубки, как будто бы мы не довольно насмотрелись на них в натуре.

(4) А что главное, он почти не работает. (5) Когда безделье его покидает, Рябинин садится за мольберт и за месяц пишет картинку, о которой все кричат, как о чуде, находя, впрочем, что техника оставляет желать лучшего.

(6) А потом бросит писать даже этюды, ходит мрачный и ни с кем не заговаривает. (7) Странный юноша! (8) Выдумал такую ерунду, что я не знаю, что о нем и думать.

(9) Третьего дня я возил его на металлический завод. (10) Мы пробыли там целый день, осмотрели все, причем я объяснял ему всякие производства (к удивлению моему, я не забыл многое из своей прежней профессии). (11) Наконец я привел его в котельное отделение. (12) Там в это время работали над огромнейшим котлом. (13) Рябинин влез в котел и полчаса смотрел, как здоровенный мужчина держит заклепки изнутри клещами. (14) Вылез оттуда бледный и расстроенный, всю дорогу назад молчал. (15) А сегодня объявляет мне, что уже начал писать этого рабочего. (16) Что за идея! (17) Что за поэзия в грязи! (18) Здесь я могу сказать,

никого и ничего не стесняясь, то, чего, конечно, не сказал бы при всех: по-моему, вся эта мужичья полоса в искусстве – чистое уродство. (19) Кому нужны эти пресловутые репинские "Бурлаки"? (20) Написаны они по-рябинински – так себе. (21) Конечно, картина производит сильное нравственное воздействие, но где здесь красота, гармония, изящное? (22) А не для воспроизведения ли изящного в природе и существует искусство? (23) Уверен: потомки забудут о «Бурлаках» очень скоро. (24) То ли дело у меня! (25) Еще несколько дней работы, и будет кончено мое тихое "Майское утро". (26) Чуть дышит вода в пруде, ивы, покрытые молодыми листиками, склонили на него свои ветви. (27) Восток загорается румянцем, мелкие перистые облачка окрасились в нежный, чуть розовый цвет. (28) Женская фигурка идет с крутого берега с ведром за водой, спугивая стаю уток. (29) Вот и все. (30) Кажется, просто, а между тем я ясно чувствую, что поэзии в картине вышло пропасть. (31) Вот это и есть истинное искусство! (32) Оно настраивает человека на тихую, кроткую задумчивость. (33) Думаю, мое полотно войдет в историю. (34) А рябининский рабочий или репинские «Бурлаки» ни на кого не подействуют уже потому, что всякий постарается поскорей убежать от них, чтобы только не мозолить себе глаза этими безобразными тряпками и этими чумазыми физиономиями. (35) Странное дело! (36) Ведь вот в музыке не допускаются режущие ухо, неприятные созвучия! (37) Отчего ж у нас, в живописи, можно громоздить отталкивающие образы?

Лихачев

Говорят, что содержание определяет форму. Это верно, но верно и противоположное, что от формы зависит содержание. Известный американский психолог начала этого века Д. Джеймс писал: «Мы плачем оттого, что нам грустно, но и грустно нам оттого, что мы плачем». Поэтому поговорим о форме нашего поведения, о том, что должно войти в нашу привычку и что тоже должно стать нашим внутренним содержанием.

Когда-то считалось неприличным показывать всем своим видом, что с вами произошло несчастье, что у вас горе. Человек не должен был навязывать свое подавленное состояние другим. Надо было и в горе сохранять достоинство, быть равным со всеми, не погружаться в себя и оставаться по возможности приветливым и даже веселым. Умение сохранять достоинство, не навязываться другим со своими

огорчениями, не портить другим настроение, быть всегда ровным в обращении с людьми, быть всегда приветливым и веселым – это большое и настоящее искусство, которое помогает жить в обществе и самому обществу.

Но каким веселым надо быть? Шумное и навязчивое веселье утомительно окружающим. Вечно «сыплющий» остротами молодой человек перестает восприниматься как достойно ведущий себя. Он становится шутом. А это худшее, что может случиться с человеком в обществе, и это означает в конечном счете потерю юмора.

Не будьте смешными.

Не быть смешным – это не только умение себя вести, но и признак ума.

Смешным можно быть во всем, даже в манере одеваться. Если мужчина тщательно подбирает галстук к рубашке, рубашку к костюму – он смешон. Излишняя забота о своей наружности сразу видна. Надо заботиться о том, чтобы одеваться прилично, но эта забота у мужчин не должна переходить известных границ. Чрезмерно заботящийся о своей наружности мужчина неприятен. Женщина – это другое дело. У мужчин же в одежде должен быть только намек на моду. Идеально чистая рубашка, чистая обувь и свежий, но не очень яркий галстук – этого достаточно. Костюм может быть старым, он не должен быть только неопрятен.

В разговоре с другими умеете слушать, умеете помолчать, умеете пошутить, но редко и вовремя. Занимайте собой как можно меньше места. Поэтому за обедом не кладите локти на стол, стесняя соседа, но также не старайтесь чрезмерно быть «душой общества». Во всем соблюдайте меру, не будьте навязчивыми даже со своими дружескими чувствами.

Не мучайтесь своими недостатками, если они у вас есть. Если вы заикаетесь, не думайте, что это уж очень плохо. Заики бывают превосходными ораторами, обдумывая каждое свое слово. Лучший лектор славившегося своими красноречивыми профессорами Московского университета историк В. О. Ключевский заикался. Небольшое косоглазие может придавать значительность лицу, хромота – движениям. Но если вы застенчивы, тоже не бойтесь этого. Не стесняйтесь своей застенчивости: застенчивость очень мила и совсем не смешна. Она становится смешной, только если вы слишком стараетесь ее преодолеть и стесняетесь ее. Будьте просты и снисходительны к своим недостаткам. Не страдайте от них. Хуже нет, когда в человеке развивается «комплекс неполноценности», а

вместе с ним озлобленность, недоброжелательность к другим лицам, зависть. Человек теряет то, что в нем самое хорошее, – доброту.

Нет лучшей музыки, чем тишина, тишина в горах, тишина в лесу. Нет лучшей «музыки в человеке», чем скромность и умение помолчать, не выдвигаться на первое место. Нет ничего более неприятного и глупого в облике и поведении человека, чем важность или шумливость; нет ничего более смешного в мужчине, чем чрезмерная забота о своем костюме и прическе, рассчитанность движений и «фонтан острот» и анекдотов, особенно если они повторяются.

В поведении бойтесь быть смешным и старайтесь быть скромным, тихим.

Никогда не распускайтесь, всегда будьте равными с людьми, уважайте людей, которые вас окружают.

Вот несколько советов, казалось бы, о второстепенном – о вашем поведении, о вашей внешности, но и о вашем внутреннем мире: не бойтесь своих физических недостатков. Относитесь к ним с достоинством, и вы будете элегантно.

У меня есть знакомая девушка, чуть горбатая. Честное слово, я не устаю восхищаться ее изяществом в тех редких случаях, когда встречаю ее в музеях на вернисажах (там все встречаются – потому что они и праздники культуры).

И еще одно, и самое, может быть, важное: будьте правдивы. Стремящийся обмануть других прежде всего обманывается сам. Он наивно думает, что ему поверили, а окружающие на самом деле были просто вежливы. Но ложь всегда выдает себя, ложь всегда «чувствуется», и вы не только становитесь противны, хуже – вы смешны.

Не будьте смешны! Правдивость же красива, даже если вы признаетесь, что обманули перед тем по какому-либо случаю, и объясните, почему это сделали. Этим вы исправите положение. Вас будут уважать, и вы покажете свой ум.

Простота и «тишина» в человеке, правдивость, отсутствие претензий в одежде и поведении – вот самая привлекательная «форма» в человеке, которая становится и его самым элегантно «содержанием».

СИМОНОВ

Все трое немцев были из белградского гарнизона и прекрасно знали, что это могила Неизвестного солдата и что на случай артиллерийского обстрела у могилы и толстые и прочные стены. Это было по их мнению, хорошо, а все остальное их нисколько не интересовало. Так обстояло с немцами.

Русские тоже рассматривали этот холм с домиком на вершине как прекрасный наблюдательный пункт, но наблюдательный пункт неприятельский и, следовательно, подлежащий обстрелу.

— Что это за жилое строение? Чудное какое-то, сроду такого не видал,— говорил командир батареи капитан Николаенко, в пятый раз внимательно рассматривая в бинокль могилу Неизвестного солдата.— А немцы сидят там, это уж точно. Ну как, подготовлены данные для ведения огня?

— Так точно! — отрапортовал стоявший рядом с капитаном командир взвода молоденький лейтенант Прудников.

— Начинай пристрелку.

Пристрелялись быстро, тремя снарядами. Два взрыли обрыв под самым парашютом, подняв целый фонтан земли. Третий ударил в парашют. В бинокль было видно, как полетели осколки камней.

— Ишь брызнуло!—сказал Николаенко.— Переходи на поражение.

Но лейтенант Прудников, до этого долго и напряженно, словно что-то вспоминая, всматривавшийся в бинокль, вдруг полез в полевую сумку, вытащил из нее немецкий трофейный план Белграда и, положив его поверх своей двухверстки, стал торопливо водить по нему пальцем.

— В чем дело? — строго сказал Николаенко.— Нечего уточнять, все и так ясно.

— Разрешите, одну минуту, товарищ капитан,— пробормотал Прудников.

Он несколько раз быстро посмотрел на план, на холм и снова на план и вдруг, решительно уткнув палец в какую-то наконец найденную им точку, поднял глаза на капитана:

— А вы знаете, что это такое, товарищ капитан?

— Что?

— А все — и холм, и это жилое строение?

— Ну?

— Это могила Неизвестного солдата. Я все смотрел и сомневался. Я где-то на фотографии в книге видел. Точно. Вот она и на плане — могила Неизвестного солдата.

Для Прудникова, когда-то до войны учившегося на историческом факультете МГУ, это открытие представлялось чрезвычайно важным. Но капитан Николаенко неожиданно для Прудникова не проявил никакой отзывчивости. Он ответил спокойно и даже несколько подозрительно:

— Какого еще там неизвестного солдата? Давай веди огонь.

— Товарищ капитан, разрешите!—просительно глядя в глаза Николаенко, сказал Прудников.

— Ну что еще?

— Вы, может быть, не знаете... Это ведь не просто могила. Это, как бы сказать, национальный памятник. Ну...— Прудников остановился, подбирая слова.— Ну, символ всех погибших за родину. Одного солдата, которого не опознали, похоронили вместо всех, в их честь, и теперь это для всей страны как память.

— Подожди, не тараторь,— сказал Николаенко и, наморщив лоб, на целую минуту задумался.

Был он большой души человек, несмотря на грубость, любимец всей батареи и хороший артиллерист. Но, начав войну простым бойцом-наводчиком и дослужившись кровью и доблестью до капитана, в трудах и боях так и не успел он узнать многих вещей, которые, может, и следовало бы знать офицеру. Он имел слабое понятие об истории, если дело не шло о его прямых счетах с немцами, и о географии, если вопрос не касался населенного пункта, который надо взять. А что до могилы Неизвестного солдата, то он и вовсе слышал о ней в первый раз.

Однако, хотя сейчас он не все понял в словах Прудникова, он своей солдатской душой почувствовал, что, должно быть, Прудников волнуется не зря и что речь идет о чем-то в самом деле стоящем.

— Подожди,— повторил он еще раз, распустив морщины.— Ты скажи толком, чей солдат, с кем воевал,— вот ты мне что скажи!

— Сербский солдат, в общем, югославский,— сказал Прудников.— Воевал с немцами в прошлую войну четырнадцатого года.

— Вот теперь ясно.

Николаенко с удовольствием почувствовал, что теперь действительно все ясно и можно принять по этому вопросу правильное решение.

— Все ясно,— повторил он.— Ясно, кто и что. А то плетешь невесть чего — «неизвестный, неизвестный». Какой же он неизвестный, когда он сербский и с немцами в ту войну воевал? ...

Из заданий по тексту:

Выписать фразеологизм из приведённого отрывка.

Он несколько раз быстро посмотрел на план, на холм и снова на план и вдруг, решительно уткнув палец в какую-то наконец найденную им точку, поднял глаза на капитана:

— А вы знаете, что это такое, товарищ капитан?

— Что?

— А все — и холм, и это жилое строение?

— Ну?

— Это могила Неизвестного солдата. Я все смотрел и сомневался. Я где-то на фотографии в книге видел. Точно. Вот она и на плане — могила Неизвестного солдата.

Сологуб

Вечером опять сошлись у Старкиных. Говорили только о войне. Кто-то пустил слух, что призыв новобранцев в этом году будет раньше

обыкновенного, к восемнадцатому августу; и что отсрочки студентам будут отменены. Поэтому Бубенчиков и Козовалов были угнетены, — если это верно, то им придется отбывать воинскую повинность не через два года, а нынче.

Воевать молодым людям не хотелось, — Бубенчиков слишком любил свою молодую и, казалось ему, ценную и прекрасную жизнь, а Козовалов не любил, чтобы что бы то ни было вокруг него становилось слишком серьезным.

Козовалов говорил уныло:

— Я уеду в Африку. Там не будет войны.

— А я во Францию, — говорил Бубенчиков, — и перейду во французское подданство.

Лиза досадливо вспыхнула. Закричала:

— И вам не стыдно! Вы должны защищать нас, а думаете сами, где спрятаться. И вы думаете, что во Франции вас не заставят воевать?

Из Орго призвали шестнадцать запасных. Был призван и ухаживающий за Лизой эстонец, Пауль Сепп. Когда Лиза узнала об этом, ей вдруг стало как-то неловко, почти стыдно того, что она посмеивалась над ним. Ей вспомнились его ясные, детски-чистые глаза. Она вдруг ясно представила себе далекое поле битвы, — и он, большой, сильный, упадет, сраженный вражескою пулею. Бережная, жалостливая нежность к этому, уходящему, поднялась в ее душе. С боязливым удивлением она думала: «Он меня любит. А я, — что же я? Прыгала, как обезьянка, и смеялась. Он пойдет сражаться. Может быть, умрет. И, когда будет ему тяжело, кого он вспомнит, кому шепнет: "Прощай, милая"? Вспомнит русскую барышню, чужую, далекую».

Призванных провожали торжественно. Собралась вся деревня. Говорили речи. Играл местный любительский оркестр. И дачники почти все пришли. Дачницы принарядились.

Пауль шел впереди и пел. Глаза его блестели, лицо казалось солнечно-светлым, — он держал шляпу в руке, — и легкий ветерок развеивал его светлые кудри. Его обычная мешковатость исчезла, и он

казался очень красивым. Так выходили некогда в поход викинги и ушкуйники. Он пел. Эстонцы с одушевлением повторяли слова народного гимна.

Дошли до леска за деревнею. Лиза остановила Сеппа:

— Послушайте, Пауль, подойдите ко мне на минутку.

Пауль отошел на боковую тропинку. Он шел рядом с Лизой. Походка его была решительная и твердая, и глаза смело глядели вперед. Казалось, что в душе его ритмично бились торжественные звуки воинственной музыки. Лиза смотрела на него влюбленными глазами. Он сказал:

— Ничего не бойтесь, Лиза. Пока мы живы, мы немцев далеко не пустим. А кто войдет в Россию, тот не обрадуется нашему приему. Чем больше их войдет, тем меньше их вернется в Германию.

Вдруг Лиза очень покраснела и сказала:

— Пауль, в эти дни я вас полюбила. Я поеду за вами. Меня возьмут в сестры милосердия. При первой возможности мы повенчаемся.

Пауль вспыхнул. Он наклонился, поцеловал Лизину руку и повторил:

— Милая, милая!

И когда он опять посмотрел в ее лицо, его ясные глаза были влажны.

Анна Сергеевна шла на несколько шагов сзади и роптала:

— Какие нежности с эстонцем! Он Бог знает что о себе вообразит. Можете представить, — целует руку, точно рыцарь своей даме!

Лиза обернулась к матери и крикнула:

— Мама, поди сюда!

Она и Пауль Сепп остановились у края дороги. У обоих были счастливые, сияющие лица.

Вместе с Анною Сергеевною подошли Козовалов и Бубенчиков. Козовалов сказал на ухо Анне Сергеевне:

— А нашему эстонцу очень к лицу воинственное воодушевление. Смотрите, какой красавец, точно рыцарь Парсифаль.

Анна Сергеевна с досадою проворчала:

— Ну уж красавец! Ну что, Лизонька? — спросила она удочери.

Лиза сказала, радостно улыбаясь:

— Вот мой жених, мамочка.

Анна Сергеевна в ужасе перекрестилась. Воскликнула:

— Лиза, побойся Бога! Что ты говоришь!

Лиза говорила с гордостью:

— Он — защитник отечества.

Примерная проблематика:

Патриотизма (в тяжелое время всегда находятся люди, которые готовы защищать Родину и те, кто готов бежать)

Как любовь помогает человеку в военное время? (любовь придает сил, вера в то, что тебя любит, придает силы для подвигов)

Почему любовь особенно ярко проявляется в трудные минуты жизни (военное время)? (потому человек понимает, что может потерять свою половину)

Как героизм преображает человека? (нашему эстонцу очень к лицу воинственное воодушевление. Смотрите, какой красавец, точно рыцарь Парсифаль)

Бакланов

()по рассказу "Южнее главного удара")

За год службы в батарее Долговушин переменил множество должностей, нигде не проявив способностей. Попал он в полк случайно, на марше. Дело было ночью. К фронту двигалась артиллерия, обочиной, в пыли, подымая пыль множеством ног, топала пехота. И, как всегда, несколько пехотинцев попросились на пушки, подъехать немного. Среди них был Долговушин. Остальные потом соскочили, а Долговушин уснул. Когда проснулся, пехоты на дороге уже не было. Куда шла его рота, какой её номер — ничего

этого он не знал, потому что всего два дня как попал в неё. Так Долговушин и прижился в артиллерийском полку. Вначале его определили к Богачёву во взвод управления катушечным телефонистом. За Днестром, под Яссами, Богачёв всего один раз взял его с собой на передовой наблюдательный пункт, где все простреливалось из пулемётов и где не то что днём, но и ночью-то головы не поднять. Тут Долговушин по глупости постирал с себя все и остался в одной шинели, а под ней — в чем мать родила. Так он и сидел у телефона, запахнувшись, а напарник и бегал и ползал с катушкой по линии, пока его не ранило. На следующий день Богачёв выгнал Долговушина к себе во взвод он подбирал людей, на которых мог положиться в бою, как на себя. И Долговушин попал к огневикам. Безропотный, молчаливо-старательный, все бы хорошо, только уж больно бестолков оказался. Когда выпадало опасное задание, о нем говорили: «Этот не справится». А раз не справится, зачем посылать? И посылали другого. Так Долговушин откочевал в повозочные. Он не просил, его перевели. Может быть, теперь, к концу войны, за неспособность воевал бы он уже где-нибудь на складе ПФС, но в повозочных суждено было ему попасть под начало старшины Пономарёва. Этот не верил в бестолковость и сразу объяснил свои установки:

— В армии так: не знаешь — научат, не хочешь — заставят. — И ещё сказал: — Отсюда тебе путь один: в пехоту. Так и запомни.

— Что ж пехота? И в пехоте люди живут, — уныло отвечал Долговушин, больше всего на свете боявшийся снова попасть в пехоту.

С тем старшина и начал его воспитывать. Долговушину не стало житья. Вот и сейчас он тащился на НП, под самый обстрел, все ради того же воспитания. Два километра — не велик путь, но к фронту, да ещё под обстрелом... Опасливо косясь на дальние разрывы, он старался не отстать от старшины. Теперь впереди, горбясь, шагал Долговушин, сзади — старшина. Неширокая полоса кукурузы кончилась, и они шли наизволок, отдыхая на ходу: здесь было безопасно. И чем выше взбирались они, тем видней было им оставшееся позади поле боя оно как бы опускалось и становилось плоским по мере того, как они поднимались вверх. Пономарёв оглянулся ещё раз. Немецкие танки расползлись в стороны друг от

друга и по-прежнему вели огонь. Плоские разрывы вставали по всему полю, а между ними ползли пехотинцы всякий раз, когда они подымались перебежать, яростней начинали строчить пулемёты. Чем дальше в тыл, тем несуетливей, уверенней делался Долговушин. Им оставалось миновать открытое пространство, а дальше на гребне опять начиналась кукуруза. Сквозь её реденькую стенку проглядывал засыпанный снегом рыжий отвал траншеи, там перебежали какие-то люди, изредка над бруствером показывалась голова и раздавался выстрел. Ветер был встречный, и пелена слез, застилавшая глаза, мешала рассмотреть хорошенько, что там делается. Но они настолько уже отошли от передовой, так оба сейчас были уверены в своей безопасности, что продолжали идти не тревожась. «Здесь, значит, вторую линию обороны строят», — решил Пономарёв с удовлетворением. А Долговушин поднял вверх сжатые кулаки и, потрясая ими, закричал тем, кто стрелял из траншеи.

...

До кукурузы оставалось метров пятьдесят, когда на гребень окопа вспрыгнул человек в каске. Расставив короткие ноги, чётко видный на фоне неба, он поднял над головой винтовку, потряс ею и что-то крикнул.

— Немцы! — обмер Долговушин.

— Я те дам «немцы»! — прикрикнул старшина и погрозил пальцем. Он всю дорогу не столько за противником наблюдал, как за Долговушиным, которого твёрдо решил перевоспитать. И когда тот закричал «немцы», старшина, относившийся к нему подозрительно, не только усмотрел в этом трусость, но ещё и неверие в порядок и разумность, существующие в армии. Однако Долговушин, обычно робевший начальства, на этот раз, не обращая внимания, кинулся бежать назад и влево.

— Я те побегу! — кричал ему вслед Пономарёв и пытался расстегнуть кобуру нагана.

Долговушин упал, быстро-быстро загребая руками, мелькая подошвами сапог, пополз с термосом на спине. Пули уже вскидывали снег около него. Ничего не понимая, старшина смотрел на эти вскипавшие снежные фонтанчики. Внезапно за

Долговушиным, в открывшейся под скатом низине, он увидел санный обоз. На ровном, как замёрзшая река, снежном поле около саней стояли лошади. Другие лошади валялись тут же. От саней веером расходились следы ног и глубокие борозды, оставленные ползшими людьми. Они обрывались внезапно, и в конце каждой из них, где догнала его пуля, лежал ездовой. Только один, уйдя уже далеко, продолжал ползти с кнутом в руке, а по нему сверху безостановочно бил пулемёт. «Немцы в тылу!» — понял Пономарёв. Теперь, если надавят с фронта и пехота начнёт отходить, отсюда, из тыла, из укрытия, немцы встретят её пулемётным огнём. На ровном месте это — уничтожение. — Правей, правей ползи! — закричал он Долговушину. Но тут старшину толкнуло в плечо, он упал и уже не видел, что произошло с повозочным. Только каблучки Долговушина мелькали впереди, удаляясь. Пономарёв тяжело полз за ним следом и, подымая голову от снега, кричал:

— Правей бери, правей! Там скат! Каблучки вильнули влево. «Услышал!» — радостно подумал Пономарёв. Ему наконец удалось вытащить наган. Он обернулся и, целясь, давая Долговушину уйти, выпустил в немцев все семь патронов. Но в раненой руке не было упора. Потом он опять пополз. Метров шесть ему осталось до кукурузы, не больше, и он уже подумал про себя: «Теперь — жив». Тут кто-то палкой ударил его по голове, по кости. Пономарёв дрогнул, ткнулся лицом в снег, и свет померк. А Долговушин тем временем благополучно спустился под скат. Здесь пули шли поверху. Долговушин отдышался, вынул из-за отворота ушанки «бычок» и, согнувшись, искурил его. Он глотал дым, давясь и обжигаясь, и озирался по сторонам. Наверху уже не стреляли. Там все было кончено.

«Правей ползи», — вспомнил Долговушин и усмехнулся с превосходством живого над мёртвым. — Вот те и вышло правей... Он высвободил плечи от лямок, и термос упал в снег. Долговушин отпихнул его ногой. Где ползком, где сгибаясь и перебежками, выбрался он из-под огня, и тот, кто считал, что Долговушин «богом ушибленный», поразился бы сейчас, как толково, применяясь к местности, действует он.

Вечером Долговушин пришёл на огневые позиции. Он рассказал, как они отстреливались, как старшину убило на его глазах и он пытался тащить, его мёртвого. Он показал пустой диск автомата. Сидя на земле рядом с кухней, он жадно ел, а повар ложкой вылавливал из черпака мясо и подкладывал ему в котелок. И все сочувственно смотрели на Долговушина. «Вот как нельзя с первого взгляда составлять мнение о людях, — подумал Назаров, которому Долговушин не понравился. — Я его считал человеком себе на уме, а он вот какой, оказывается. Просто я ещё не умею разбираться в людях...» И поскольку в этот день ранило каптёра, Назаров, чувствуя себя виноватым перед Долговушиным, позвонил командиру батареи, и Долговушин занял тихую, хлебную должность каптёра.

Примерная проблематика:

Как соотносятся истинный и ложный героизм? (Зачастую истинный героизм- это не возможность рассказать о событии " в красках", а способность пожертвовать своей жизнью ради жизни другого человека)

Как война раскрывает характер человека? (Порой война открывает в человеке плохие качества: подлость, трусость и многое другое)

Всегда ли первое впечатление о человеке правдиво? (Нет, не всегда)

Никитайская

Семьдесят лет прожито, а ругать себя не перестаяю. Ну, что мне стоило, пока живы были родители, расспросить их обо всем, все подробно записать, чтобы и самой помнить, и по возможности другим рассказать. Но нет, не записывала. Да и слушала-то вполуха, так, как в основном и слушают родителей их дети.

Ни мама, ни папа не любили возвращаться к прожитому и пережитому в войну. Но временами... Когда гости приходили, когда настроение повспоминать нападало и так — ни с того ни с сего... Ну, например, приходит мама от соседки, Антонины Карповны, и говорит: «Карповна мне сказала: ЧГалька, ты у нас ненайденный герой". Это я ей рассказала, как из-под Луги из окружения выходила».К началу войны маме было восемнадцать лет, и была она

фельдшером, сельским врачом. Сразу после окончания техникума она и работала в глухой вологодской деревне, где были люди, которые толком не знали, что такое градусник. Папе было двадцать четыре года. И он был летчиком гражданской авиации. Познакомились и полюбили друг друга они в Вологде. Мама была очень хорошенькой, живой и легкомысленной. Папа был мужественно-красивым, основательным и осторожным в отношениях с женщинами. Профессия летчика до войны относилась к романтическим профессиям. Авиация «становилась на крыло». Люди, причастные к этому становлению, сразу попадали в разряд избранных. Еще бы: не каждому дано обживать небеса. О вольностях, которые позволяли себе пилоты тех времен, напомним, например, пролет Чкалова под Троицким мостом в Ленинграде. Правда, историки считают, что это придумали киношники для фильма. Но легенды легендами, а мой папа абсолютно точно пролетал «на бреющем» над крышей маминного дома. Чем и покорила маму окончательно.

В первый же день войны, как военнообязанные, и папа, и мама надели военную форму. Оба были отправлены на Ленинградский фронт. Мама — с госпиталем, папа — в авиаполк.

Папа служил в полку, который базировался на Комендантском аэродроме, а во время блокады — и в Сосновке. Начинали войну на У-2. Никакого серьезного оснащения на самолетах не было, даже радиосвязи. Но ведь воевали!

Однажды когда папа во главе эскадрильи этих двухместных кораблей неба возвращался с задания, он увидел внизу, на шоссе, ведущем в город, сломанный санитарный автобус. Возле него возился водитель, пытаясь устранить поломку. И отчаянно махала кофтой нашим самолетам медсестричка. И сверху папа увидел, что по этому же шоссе и тоже в сторону города марширует колонна немцев. И вот-вот автобус с ранеными, с шофером и медсестрой окажется у них на пути. Исход такой встречи был предрешен. «Знаешь, я сразу о Гале подумал. На месте этой сестрички могла быть и она. И тогда я просигналил крыльями команду: “Делай, как я” — и пошел на посадку перед автобусом». Когда приземлились и пересчитали людей, оказалось, что всех не забрать, что трое (или

четверо?) остаются за бортом. «Я прикинул мощность машин и в некоторые распределил не по человеку, а по два человека». И один из летчиков заорал тогда: «Командир, хочешь, чтобы я гробанулся! Не полечу с двумя! Себе-то одного посадил...» «Я-то знал, что его машина надежнее, но спорить не стал, некогда было спорить. Говорю: “Полечу на твоей, а ты бери мою машину”». Вообще-то вся эта история кажется специально придуманной для кино, для неперемного использования параллельного монтажа, чтобы еще больше накалить страсти. Вот раненые с трудом карабкаются по фюзеляжу в кабину, а колонна фрицев марширует уже в пределах видимости, а вот взлетает в небо первый наш самолет с раненым, и немец готовит свой «шмайссер» к стрельбе... Ну, и так далее... И в реальной жизни, когда взлетал последний летчик, фашисты действительно открыли стрельбу... А потом об этом случае писали в газете, но беспечная наша семья, конечно, ее не сохранила.

Эти мои заметки я пишу сейчас не только для того, чтобы, пусть и запоздало, признаться в любви к своим прожившим очень нелегкую, но такую честную жизнь родителям. Были миллионы других таких же советских людей, которые одолели фашизм и не потеряли человеческого лица. И я очень не хочу, чтобы они были забыты.

Вересаев

Я ушел далеко за город. Ровная, накатанная дорога, мягко серея в муравке, бежала вдаль. Я шел в эту темную даль, и меня все полнее охватывала тишина.

Все больше мною овладевало странное, но уже давно мне знакомое чувство какой-то тоски. Эта ночь была удивительно хороша. Мне хотелось насладиться, упиться ею досыта. Но по опыту я знал, что она только измучит меня, что я могу пробродить здесь до самого утра и все-таки ворочусь домой недовольный и печальный.

Мне захотелось пойти в темноту чащи лип и берез. Из людей я там никого не встречу: эта усадьба старухи помещицы Ярцевой, и с нею живет только ее сын-студент; он застенчив и молчалив, но ему редко

приходится сидеть дома. Говорят, он замечательно играет на скрипке и его московский учитель-профессор сулит ему великую будущность.

Я прошел по меже к саду, перебрался через заросшую крапивою канаву и покосившийся плетень. Небо здесь казалось темнее, а звезды ярче и больше, чем в поле. Вокруг меня с чуть слышным звоном мелькали летучие мыши, и казалось, будто слабо натянутые струны звенят в воздухе. С деревьев что-то тихо сыпалось. В траве, за стволами лип, слышался смутный шорох и движение. И тут везде была какая-то тайная и своя, особая жизнь...

На востоке начинало светлеть, но звезды над ивами плотины блестели по-прежнему ярко; внизу, под горою, по широкой глади пруда шел пар; открытая дверь купальни странно поскрипывала в тишине. Спокойно мерцали звезды, спокойно молчала ночь, и все вокруг дышало тою же уверенною в себе, нетревною и до страдания загадочною красотою.

Усталый, с накипавшим в душе глухим раздражением, я присел на скамейку. Вдруг где-то недалеко за мною раздались звуки настроиваемой скрипки. Я с удивлением оглянулся: за кустами акаций белел зад небольшого флигеля, и звуки неслись из его раскрытых настежь, неосвещенных окон. Значит, молодой Ярцев дома... Музыкант стал играть. Я поднялся, чтобы уйти: грубым оскорблением окружающему казались мне эти искусственные человеческие звуки.

Я медленно подвигался вперед, осторожно ступая по траве, чтоб не хрустнул сук, а Ярцев играл...

Странная это была музыка, и сразу чувствовалась импровизация. Но что это была за импровизация! Прошло пять минут, десять, а я стоял не шевелясь и жадно слушал.

Звуки лились робко, неуверенно. Они словно искали чего-то, словно силились выразить что-то, что выразить были не в силах. Не самую мелодией приковывали они к себе внимание — ее, в строгом смысле, даже и не было, — а именно этим исканием, томлением почему-то, что невольно ждалось впереди.

— Сейчас уж будет настоящее, — думалось мне.

А звуки лились все так же неуверенно и сдержанно. Изредка мелькнет в них что-то — не мелодия, лишь обрывок, намек на мелодию, — но до того чудную, что сердце замирало. Вот-вот, казалось, схвачена будет тема, — и робкие, ищущие звуки разольются божественно спокойною, торжественною, неземною песнью. Но проходила минута, и струны начинали звенеть сдерживаемыми рыданиями: намек остался непонятным, великая мысль, мелькнувшая на мгновенье, исчезла безвозвратно.

Что это? Неужели нашелся кто-то, кто переживал теперь то же самое, что я? Сомнения быть не могло: перед ним эта ночь стояла такую же мучительною и неразрешимою загадкой, как передо мною.

Вдруг раздался резкий, нетерпеливый аккорд, за ним другой, третий, — и бешеные звуки, перебивая друг друга, бурно полились из-под смычка. Как будто кто-то скованный яростно рванулся, стараясь разорвать цепи.

Это было что-то совсем новое и неожиданное. Однако чувствовалось, что именно нечто подобное и было нужно, что при прежнем нельзя было оставаться, потому что оно слишком измучило своею бесплодностью и безнадежностью... теперь не слышно было тихих слез, не слышно было отчаяния; силою и дерзким вызовом звучала каждая нота. И что-то продолжало отчаянно бороться, и невозможное начинало казаться возможным. Такою повеяло молодостью, такою верою в себя и отвагою! «Пускай нет надежды, мы и самую надежду отвоюем!» — казалось, говорили эти могучие звуки.

Я задерживал дыхание и в восторге слушал. Ночь молчала и тоже прислушивалась,- чутко, удивленно прислушивалась к этому вихрю чуждых ей, страстных, негодующих звуков. Побледневшие звезды мигали реже и неувереннее; густой туман над прудом стоял неподвижно; березы замерли, поникнув плакучими ветвями, и все кругом замерло и притихло. Над всем властно царили несшиеся из флигеля звуки маленького, слабого инструмента, и эти звуки, казалось, гремели над землею, как раскаты грома.

С новым и странным чувством я огляделся вокруг. Та же ночь стояла передо мною в своей прежней загадочной красоте. Но я смотрел на нее уже другими глазами: все окружавшее было для меня теперь лишь прекрасным беззвучным аккомпанементом к тем боровшимся, страдавшим звукам.

Теперь все было осмысленно, все было полно глубокой, дух захватывающей, но родной, понятной сердцу красоты. И эта человеческая красота затмила, заслонила собою, не уничтожая ту красоту, по-прежнему далекую, по-прежнему непонятную и недоступную.

В первый раз я воротился в такую ночь домой счастливым и удовлетворенным.

Основная проблема:

Проблема отношения к искусству; проблема влияния искусства на то, как человек воспринимает мир (Как влияет искусство на восприятие человеком мира?)

Позиция автора: Автор убежден, что истинное искусство способно изменить состояние души человека и, как следствие, изменить его взгляд на мир

Амлинский

Вот люди, которые приходят ко мне, пишут мне поздравительные открытки, делают вид, что я такой же, как и все, и что всё будет в порядке, или не делают вид, а просто тянутся ко мне, может, верят в чудо, в моё выздоровление. Вот они. У них есть это самое сострадание. Чужая болезнь их тоже малость точит – одних больше, других меньше. Но немало таких, которые презирают чужую болезнь, они не решаются вслух сказать, а думают: ну зачем он ещё живёт, зачем он ползает? Так во многих медицинских учреждениях относятся к хроникам, так называемым хроническим больным.

Бедные здоровые люди, они не понимают, что весь покой и здоровье их условны, что одно мгновение, одна беда – и всё перевернулось, и они сами уже вынуждены ждать помощи и просить о сострадании. Не желаю я им этого.

Вот с такими я жил бок о бок несколько лет. Сейчас я вспоминаю об этом как о страшном сне. Это были мои соседи по квартире. Мать, отец, дочери. Вроде бы люди как люди. Работали исправно, семья у них была дружная, своих в обиду не дадут. И вообще всё как полагается: ни пьянства, ни измен, здоровый быт, здоровые отношения и любовь к песне. Как придут домой – радио на всю катушку, слушают музыку, последние известия, обсуждают международные события. Аккуратные до удивления люди. Не любят, не терпят беспорядка. Откуда взял, туда и положи! Вещи места

знают. Полы натёрты, всё блестит, свет в общественных местах погашен. Копейка рубль бережёт. А тут я. И у меня костыли. И я не летаю, а тихо хожу. Ковыляю по паркету. А паркет от костылей – того, портится... Тут и начался наш с ними духовный разлад, пропасть и непонимание. Сейчас всё это шуточки, а была форменная война, холодная, со вспышками и нападениями. Нужно было иметь железные нервы, чтобы под их враждебными взглядами ковылять в ванную и там нагибать позвоночник, вытирать пол, потому что мокрый пол – это нарушение норм общественного поведения, это атака на самые устои коммунальной жизни.

И начиналось: если вы больные, так и живите отдельно! Что я могу ответить? Я бы и рад отдельно, я прошу об этом, да не дают. Больным не место в нашей здоровой жизни. Так решили эти люди и начали против меня осаду, эмбарго и блокаду. И хуже всего им было то, что я не откликался, не лез в баталии, не давая им радости в словесной потасовке. Я научился искусству молчания. Клянусь, мне иногда хотелось взять хороший новенький автомат... Но это так, в кошмарных видениях. Автомат я бы не взял, даже если бы мы с ними оказались на необитаемом острове, в отсутствии народных районных судов. К тому времени я научился уже понимать цену жизни, даже их скверной жизни. Итак, я молчал. Я пытался быть выше и от постоянных попыток таким и стал. А потом мне становилось порой так плохо, что всё это уже не волновало меня. Меня не волновали их категории, я мыслил другими, и только когда я откатывался от бездны, я вспоминал о своих коммунальных врагах.

Всё больше доставлял я им хлопот, всё громче стучал своими костылями, всё труднее мне становилось вытирать полы, не проливать воду, и всё нетерпимее становилась обстановка в этой странной обители, соединившей самых разных, совершенно не нужных друг другу людей.

И я в один прекрасный момент понял совершенно отчётливо, что может быть самое главное мужество человека в том, чтобы

преодолеть вот такую мелкую тряси́ну, выбраться из бытовых гнусностей, не подда́ться соблазну мелочной расплаты, карликовой войны, копеечного отчаяния.

Потому что мелочи такого рода с огромной силой разъедают множество людей, не выработавших себе иммунитет к этому. И вот эти люди всерьёз лезут в дразги, в дурацкую борьбу, опустошаются, тратят нервы, уже не могут остановиться. Когда они постареют, они поймут всю несущественность этой возни, но будет уже поздно, уже слишком много сил отдано мышинной возне, так много зла скоплено внутри, так много страстей потрачено, которые могли бы питать что-то важное, которые должны были двигать человека вперёд.

Примерная проблематика:

Что самое важное в жизни человека? (Самое важное то, что двигает человека вперед, а не мелкие дразги и разборки)

Почему важно иметь сострадание к окружающим? (Потому что каждый может попасть в беду и будет вынужден ждать помощи и просить о сострадании)

Почему некоторые люди презирают тех, кому повезло меньше? (Они уверены, что с ними этого никогда не произойдет)

Как влияет равнодушие на человека? (Оно делает его более устойчивым и сильным, вырабатывает иммунитет)

Что значит быть мужественным человеком? (Это значит уметь преодолевать тяготы жизни и оставаться хорошим человеком, исключая из своей жизни бытовые ссоры, дразги и прочее)

Что разрушает нашу жизнь? (Мелочная расплата, дразги, бытовые склоки с огромной силой разъедают множество людей)

Почему важно уметь промолчать и не вступать в словесную перепалку? (Молчание помогает тебе понять цену жизни, смысл жизни, возвышает человека, делает его сильным)

В чем проявляется равнодушие окружающих людей? (Оно проявляется в неспособности прочувствовать чужую боль, в отсутствии сострадания к тем, кому повезло меньше)

Воронский

...Наталья из соседней деревни, лет десять назад она сразу лишилась мужа и троих детей: в отлучку её они померли от угара. С тех самых пор она продала хату, бросила хозяйство и странствует.

Говорит Наталья негромко, певуче, простодушно. Слова её чисты, будто вымыты, такие же близкие, приятные, как небо, поле, хлеба, деревенские избы. И вся Наталья простая, тёплая, спокойная и величавая. Наталья ничему не удивляется: всё она видела, всё пережила, о современных делах и происшествиях, даже тёмных и страшных, она рассказывает, точно их отделяют от нашей жизни тысячелетия. Никому Наталья не льстит; очень в ней хорош, что она не ходит по монастырям и святым местам, не ищет чудотворных икон. Она – житейская и говорит о житейском. В ней нет лишнего, нет суетливости.

Бремя странницы Наталья несёт легко, и горе своё от людей хоронит. У неё удивительная память. Она помнит, когда и в чём в такой-то семье хворали. Рассказывает она обо всём охотно, но в одном она скупа на слова: когда её спрашивают, почему она сделалась странницей.

...Я уже учился в бурсе, слыл «отпетым» и «отчаянным», мстил из-за угла надзирателям и преподавателям, обнаруживая в делах этих недюжинную изобретательность. В одну из перемен бурсаки известили, что в раздевальной меня ожидает «какая-то баба». Баба оказалась Натальей. Наталья шла издалека, из Холмогор, вспомнила обо мне, и хотя ей пришлось дать крюку верст по восемьдесят, но как же не навестить сироту, не посмотреть на его городское житьё, уж, наверное, вырос сынок, поумнел на радость и утешение матери. Я невнимательно слушал Наталью: стыдился её лаптей, онучей, котомки, сего её деревенского облика, боялся уронить себя в глазах бурсаков и всё косился на шнырявших мимо сверстников. Наконец не выдержал и грубо сказал Наталье:

-Пойдём отсюда.

Не дожидаясь согласия, я вывел её на задворки, чтобы никто нас там не видел. Наталья развязала котомку, сунула мне деревенских лепёшек.

-Больше-то ничего не припасла для тебя, дружок. А ты уж не погребуй, сама пекла, на маслице, на коровьем они у меня.

Я сначала угрюмо отказывался, но Наталья навязала пышки. Скоро Наталья заметила, что я её дичусь и нисколько не рад ей. Заметила она и рваную, в чернильных пятнах, казинетовую куртку на мне, грязную и бледную шею, рыжие сапоги и взгляд мой, затравленный, исподлобья. Глаза Натальи наполнились слезами.

-Что же это ты, сынок, слова доброго не вымолвишь? Стало быть, напрасно я заходила к тебе.

Я с тупым видом колупал болячку на руке и что-то вяло пробормотал. Наталья наклонилась надо мной, покачала головой и, заглядывая в глаза, прошептала:

-Да ты, родной, будто не в себе! Не такой ты был дома. Ой, худо с тобой сделали! Лихо, видно, на тебя напустили! Вот оно, ученье-то, какое выходит.

-Ничего,- бесчувственно пробормотал я, отстраняясь от Натальи.

Примерная проблематика:

1. Проблема раскаяния за совершённое.
2. Проблема эгоизма, чёрствости, жестокости, бессердечия.
3. Проблема силы духа человека.
4. Проблема внутренней красоты человека.
5. Проблема отношения к жизненным трудностям.

Орлов

Толстой вошел в мою жизнь, не представившись. Мы с ним уже активно общались, а я все еще не подозревал, с кем имею дело.

Мне было лет одиннадцать-двенадцать, то есть через год-другой после войны, когда маму на лето назначили директором пионерского лагеря. С весны в нашу комнатушку, выходящую в бесконечный коммунальный коридор, стали являться молодые люди того и другого пола - наниматься в пионервожатые и физкультурники. По-нынешнему говоря, мама прямо на дому проводила кастинг. Но дело не в этом. Дело в том, что однажды к нашему дому подвезли на грузовичке и горой вывалили прямо на полкнижки - основательно бывшие в употреблении, но весьма разнообразные по тематике. Кто-то заранее побеспокоился, не без мамино, думаю участия, чтобы в будущем пионерлагере была библиотека.

"Ваше любимое занятие?.. Рыться в книгах" - это и про меня. Тогда тоже. Рылся. Пока в один счастливый момент не выудил из этой горы потрепанный кирпичик: тонкая рисовая бумага, еры и яти, обложек нет, первых страниц нет, последних нет. Автор - инкогнито.

Глаз упал на начало, которое не было началом, а дальше я оторваться от текста не смог. Я вошел в него, как в новый дом, где почему-то все оказалось знакомым - никогда не был, а все узнал. Поразительно! Казалось, неведомый автор давно подсматривал за мной, все обо мне узнал и теперь рассказал - откровенно и по-доброму, чуть ли не по-родственному.

Написано было: "... По тому инстинктивному чувству, которым один человек угадывает мысли другого и которое служит путеводною мыслью разговора, Катенька поняла, что мне больно её равнодушие..." Но сколько раз и со мной случалось, что и с неведомой Катенькой: в разговоре инстинктивно угадывать "мысли другого"! Как точно подмечено...

Или в другом месте: "...Глаза наши встретились, и я понял, что он понимает меня и то, что я понимаю, что он понимает меня..." Опять лучше не скажешь! "Я понимаю, что он понимает..."

И так на каждой странице. "В молодости все силы души направлены на будущее... Одни понятные и разделенные мечты о будущем счастья составляют уже истинное счастье этого возраста". Опять мое! Так и есть: каждый день твоих детства-отрочества, если они нормальны, будто сплавлен с солнцем и светом ожидания, чтобы

твое предназначение состоялось. Но как выразить вслух это снедающее тебя предчувствие, можно ли передать его словами? Пока ты мучим неодолимой немотой, этот автор-инкогнито все за тебя успел рассказать.

Но кто он был - неведомый автор? Чья такая волшебная книга оказалась у меня в руках? Надо ли говорить, что ни в какую пионерскую библиотеку она не поехала - с обглоданными своими началом и концом она осталась у меня лично. Позже я узнал её и в переплете: Л.Н.Толстой. "Детство", "Отрочество", "Юность". Вот так Толстой вошел в мою жизнь, не представившись. Иллюзия узнавания - неременная особенность классических текстов. Они - классики, потому что пишут для всех. Это верно. Но они еще и потому вечные классики, что пишут для каждого. Это верно не менее. Юный простак, я "купился" именно на последнее. Эксперимент был проведен чисто: автора скрыли. Магия имени не довлекла над восприятием текста. Текст сам отстоял свое величие. Толстовская "диалектика души", первым отмеченная нелюбезным Набокову Чернышевским, как шаровая молния в форточку, сияя, влетела в очередное неопознанное читательское сердце.

Примерная проблематика:

1. В чём особенность классической литературы?
2. Какова роль книги в становлении человека? (Проблема воздействия книги на мироощущение, становление человека)